

ГЕРОЙ НЕДОЧИТАННЫХ КНИГ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Герой недочитанных книг

«Автор»

2026

Велирский В.

Герой недочитанных книг / В. Велирский — «Автор», 2026

После гибели младшей сестры реставратор Лида Воронцова разбирает её библиотеку и находит список недочитанных книг. Каждая закладка открывает Комнату, сложенную из уже прочитанных страниц и ожиданий читателя, а проводник Яр умеет вести только до границы настоящего текста. Лида надеется обнаружить в незавершённой рукописи Сони последнее послание. Но директор Центра возвращённых книг превращает чужие остановки в готовые машинные финалы, и выдуманные ответы начинают стирать реальные причины, по которым люди закрывали книги. Чтобы остановить распад памяти, Лиде придётся признать собственную ложь, вернуть другим право на их решения и не дописать за сестру ни одной строки. «Герой недочитанных книг» — камерный роман о чтении, утрате и мужестве оставить незавершённое незавершённым.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Коробки Сони	7
Глава 2. Человек с пустым именем	14
Глава 3. Три выхода	22
Глава 4. Центр возвращённых книг	31
Глава 5. Чужая закладка	41
Глава 6. Дом без последней комнаты	50
Глава 7. Имя Яр	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Влад Велирский

Герой недочитанных книг

От автора

Почти у каждого дома есть книга, остановленная на середине. В ней остаётся закладка, загнутый угол или случайная квитанция; иногда мы помним, почему закрыли её, иногда нет. Такая книга может годами переезжать с полки на полку и вызывать странную смесь вины и надежды. Мы обещаем себе вернуться, словно последняя страница ждёт не свободного вечера, а исполнения долга.

Но чтение редко прерывается только потому, что книга оказалась плохой. Один текст встречается нам не вовремя. Другой слишком точно касается утраты, к которой мы ещё не готовы. Третий связан с человеком, чей голос звучал рядом, и после его ухода продолжить в одиночестве кажется предательством. Иногда мы взрослеем быстрее сюжета. Иногда понимаем, что обещание книги нам не принадлежит. Иногда просто выбираем другое — и это тоже часть читательской жизни.

Эта история родилась из вопроса: что происходит с персонажем, которого оставили за несколько глав до развязки? Не в буквальном литературоведческом смысле — напечатанные строки никуда не исчезают, — а внутри читателя. Мы успели дать герою лицо, тембр голоса, способ держать руки. Ждали от него поступка, боялись за него, спорили с ним. Потом закрыли обложку. Герой остался не без финала вообще, а без того финала, который мог бы состояться в нашем воображении при встрече с реальным текстом.

В романе такие остановки обретают пространство. Комнаты недочитанного сложены не из тайных продолжений и не из ответов автора, а только из того, что читатель успел увидеть, понять и ожидать. Это важное ограничение. Воображение умеет утешать, но оно же легко присваивает чужой голос. Особенно тогда, когда мы тоскуем по человеку, которого уже нельзя переспросить.

Мне хотелось написать не защиту обязательного чтения и не обвинение тем, кто бросает книги. Дочитать — не всегда победить. Закрывать — не всегда сдаться. Вернуть книгу владельцу — не всегда отказаться от неё. Значение имеет не одинаковый правильный выбор, а честность причины и право человека принять решение самому. Поэтому испытания этой истории устроены так, что один и тот же выход не подходит всем.

В центре романа — две сестры, одна из которых умерла до начала действия. Книга не возвращает её к жизни, не превращает рукопись в спиритический канал и не обещает, что в оставленных вещах обязательно спрятано последнее послание. После утраты мы часто читаем предметы как письма: чашка напоминает просьбу, список покупок кажется кодом, незаконченная работа — поручением. Иногда это помогает пережить день. Иногда заставляет продолжать за другого то, чего он не просил.

Здесь особенно важна граница между памятью и реконструкцией. Память неполна, меняется со временем и зависит от того, что мы готовы признать. Реконструкция может быть бережной, если открыто называет свои пределы. Опасность начинается там, где удобное продолжение выдают за волю отсутствующего человека. Даже самый любящий жест способен лишить его сложности, а живых — права помнить неидеально.

«Герой недочитанных книг» — роман о чтении, но книги в нём не священные предметы и не нравственный экзамен. Они становятся местами отношений: между автором и читателем, между близкими, между прошлым ожиданием и нынешним выбором. Бумажная закладка

здесь отмечает не только страницу. Она сохраняет точку, где человек однажды остановился. Вернуться к ней можно, но нельзя сделать вид, будто остановки не было.

Есть ещё одна причина, по которой незавершённость пугает: она не даёт назначить произошедшему единственный смысл. Законченный рассказ удобно пересказать. У него есть последствие, последняя реплика, положение героев после точки. Оборванная история продолжает спорить с нами, потому что разные исходы остаются возможными. После смерти близкого этот спор становится особенно мучительным. Мы хотим узнать, что человек понял, чего хотел, простил ли нас и кем считал себя в последний день. Желание естественно. Но ни дневник, ни черновик, ни память свидетеля не обязаны складываться в безупречный ответ.

Поэтому проводник этого романа знает меньше, чем от него ждут. Он может провести через уже возникшее пространство, заметить границу и назвать цену нарушения. Он не умеет заглядывать за ненаписанную строку. Его ограниченность — не загадка, которую предстоит снять эффектным разоблачением, а условие честного разговора. Иногда тот, кто не выдаёт догадку за знание, помогает больше, чем самый убедительный толкователь.

Если у вас есть собственная недочитанная книга, этот роман не потребует немедленно снять её с полки. Возможно, после чтения вы продолжите. Возможно, закроете окончательно. Возможно, поймёте, кому её следует вернуть. А возможно, оставите решение на потом — уже не как стыдный долг, а как честный открытый срок.

Пока решение принадлежит вам, история не обязана притворяться завершённой.

Глава 1. Коробки Сони

В феврале книги пахли мокрым картоном сильнее, чем пылью.

Лида заметила это, когда грузчик поставил первую коробку на серый резиновый коврик приёмной. Снизу картон потемнел, хотя фургон стоял у дверей всего несколько минут. С крыши бывшей типографии капало с ленивой точностью метронома, талый снег растекался по двору, и всякий входящий приносил на подошвах ещё одну порцию мутной воды.

— Не дальше, — сказала Лида, выставя ладонь. — Сначала карантинный стол.

Грузчик, молодой, в расстёгнутой куртке, посмотрел на шесть одинаковых коробок за своей спиной и на стол, рассчитанный максимум на две.

— Там ещё двадцать три.

— Значит, двадцать три пока останутся в машине. Дождь внутрь не попадает?

— Это не дождь.

— Для бумаги без разницы, как называется вода.

Он вздохнул, но коробку не понёс. Лида присела, провела пальцем по нижнему шву и посмотрела на кожу перчатки. Сухо. Потемнение осталось снаружи, картон ещё не успел вытянуть влагу к книгам. Она поставила рядом пластиковый поддон и сняла с верхней крышки транспортную наклейку.

На ней было напечатано: «Воронцова С. А. Личная библиотека. Двадцать девять мест».

До этой минуты Соня помещалась в слишком многих вещах сразу: в урне на кладбище, в закрытой квартире на улице Каменной, в трёх голосовых сообщениях, которые Лида не могла ни удалить, ни прослушать, в пакете с ключами у нотариуса. Теперь появилась новая мера — двадцать девять мест.

— Хрупкое? — спросил грузчик.

Лида выпрямилась.

— Всё.

Он принял ответ за профессиональную строгость и наконец ушёл к фургону. Лида была ему благодарна.

Центр возвращённых книг размещался в наборном корпусе бывшей типографии. От старого производства здесь остались чугунные колонны, высокие окна и прямоугольные следы на полу, где когда-то стояли машины. На месте линотипов теперь тянулись стеллажи временного хранения. Буквы больше не отливали из горячего металла, зато каждое утро сюда привозили чужие библиотеки: наследства, списанные школьные фонды, книги после пожаров, затоплений и поспешных переездов.

На стене приёмной висели три цветные карточки. Зелёная означала: сухое, чистое, можно описывать. Жёлтая: изоляция и осмотр. Красная: плесень, насекомые или активная влага. Лида перевернула транспортный лист и начала ставить карандашные отметки.

Источник поступления: наследственная передача.

Условия хранения до передачи: квартира, отопление отключено десять дней назад.

Известные повреждения: не установлены.

Право распоряжения: акт подписан наследником.

Последняя строка была самой важной и самой лживой. Формально наследником являлась Лида. Формально она имела право решить, какие Сонины книги оставить, какие передать Центру, какие пустить в обменный фонд. Бумага с печатью делала её власть безупречной. Ничего в бумаге не объясняло, откуда у старшей сестры взялось право распоряжаться остановившейся жизнью младшей.

Вторая коробка оказалась сухой. Третья тоже. На четвёртой был продавлен угол, и Лида сфотографировала его до вскрытия. Она работала медленно, хотя знала: Павел наблюдает за ней из-за стеклянной перегородки кабинета.

У руководителя Центра было особое умение не торопить вслух. Он просто появлялся там, где задерживалась работа, и начинал делать что-нибудь полезное: выравнивал стопку бланков, поднимал с пола обрывок скотча, закрывал окно. После этого все вокруг ускорялись сами.

Сегодня он вышел к приёмной с двумя кружками.

— Чай, — сообщил он, ставя одну у локтя Лиды. — Не кофе. Я помню.

— Спасибо.

— Машина оплачена до четырёх.

— Я тоже помню.

Павел посмотрел на вскрытые коробки. Ему было сорок с небольшим, но седина на висках делала его старше, а привычка закатывать рукава рубашки — моложе. В Центре его считали человеком, который мог договориться с кем угодно: с муниципальным комитетом, разгневанным дарителем, школьным завхозом и владельцем склада, внезапно поднявшим цену. Лида знала обратную сторону этого таланта. Павел умел превращать любое несогласие в задачу, для которой уже назначен срок.

— Я поставил Соню первой в очереди, — сказал он. — Хотя два фонда ждут с прошлой недели.

— Я не просила.

— Поэтому и поставил.

Она разрежала бумажную ленту пятой коробки тупым концом костяного ножа. Скотч здесь не использовали: клей мог остаться на переплётах, а рывок — повредить обложку. Под крышкой лежал слой мятой упаковочной бумаги, потом книги, поставленные корешками вверх. Соня никогда не упаковала бы их так. Она знала, что вес блока тянет его от корешка. Значит, собирали рабочие из квартиры.

Лида вынула два тома одновременно, поддерживая снизу. Сборник эссе о городских мостах. Детектив с разбухшим верхним обрезом. Между ними — тонкая книга в синей тканевой обложке без суперобложки.

На форзаце Соня написала карандашом: «У окна лучше, но там слышны трамваи».

Лида закрыла книгу раньше, чем успела понять, к чему относилась запись.

— Ты можешь не делать это сама, — произнёс Павел.

— Могу.

— Майя примет фонд. Ты подключишься после карантина.

— Майя сегодня описывает школьное поступление.

— Перенесём.

— Нет.

Павел помолчал. За стеклом его кабинета на доске была приколот афиша Ночи инвентаризации: чёрный прямоугольник, белые буквы, дата через шесть недель. Раз в год Центр не закрывался до утра. Посетителям показывали реставрационные мастерские, отдавали книги из обменного фонда, собирали пожертвования. В прежние годы это был праздник. В этом году дата стала границей, к которой Павел подтягивал всё: отчёты, заявки, каталог, просроченные решения.

— Тогда давай договоримся о результате, — сказал он. — Сегодня принимаем все места. До пятницы первичная сортировка. За следующую неделю описание того, что идёт в фонд.

— За неделю двадцать девять коробок?

— Не все пойдут в фонд.

— Пока не осмотрим, мы этого не знаем.

— Лида, через шесть недель инвентаризация. Комиссия увидит восемь тысяч единиц без окончательного статуса. Нам отказали в дополнительном хранении. Если мы не разгрузим резерв, пожарный инспектор закроет западный зал.

Он говорил тихо, почти виновато, но цифры выстраивал как ограду. Восемь тысяч. Шесть недель. Один западный зал. За каждой цифрой стояла реальная неприятность, поэтому возражать против них было труднее, чем против приказа.

— Сонины книги не должны получать льготы, — продолжил Павел. — И наказание тоже. Обычная процедура.

— Обычная процедура не заканчивается массовым списанием.

— Массовым оно называется только потому, что мы годами откладывали решения.

— Решение и освобождение места — не одно и то же.

— Для пожарного инспектора — иногда одно.

Грузчики внесли ещё две коробки, и разговор пришлось прервать. Лида проверила дно каждой, назначила номера поступления, прикрепила жёлтые карточки. Павел взял маркер, но она молча протянула ему карандаш. Он усмехнулся и переписал номер как положено.

К двум часам транспортные места выстроились вдоль карантинной стены в три ряда. Лида не разрешила ставить их прямо на пол, и пришлось искать дополнительные поддоны. В коробке номер один обнаружилась зимняя сырость: не вода, а холодный конденсат на полиэтиленовом пакете с открытками. Пакет удалили, открытки разложили на промокательной бумаге. В одиннадцатой нашлась сухая шкурка личинки кожееда. Коробку запечатали в прозрачный изоляционный чехол и отнесли в отдельную камеру.

С каждой отметкой Соня понемногу превращалась в фонд.

Лида записывала состояние переплёттов, следы ремонта, вложения. Чеки оставляла на месте, если они отмечали дату чтения. Билеты, письма и фотографии убирала в пронумерованные конверты. Закладки не вынимала: положение каждой фиксировала на снимке и в карточке.

— Даже рекламные листки? — спросил грузчик, когда она остановила его руку над мусорной корзиной.

Между страницами кулинарной книги торчал сложенный вчетверо буклет доставки мебели.

— Пока не установлено значение вложения, это часть экземпляра.

— А потом?

— Потом тоже не вы решаете.

Он поднял обе руки и отошёл. Лида поняла, что сказала резче, чем требовалось. Соня наверняка выбросила бы буклет, не разворачивая. У неё не было почтения к случайным бумажкам. Она записывала важное на том, что первым попадалось под руку, а потом сердилась, если другие не различали среди обрывков важное и случайное.

Однажды, ещё до Центра, Лида нашла Сонин план выставки на обороте инструкции к электрочайнику и аккуратно отправила инструкцию в макулатуру. Соня два часа восстанавливала по памяти имена участников, потом сказала:

«Ты думаешь, если навела порядок, то ничего не уничтожила».

Тогда Лида сочла фразу несправедливой. Сейчас она помнила только её, а не свой ответ.

В четыре фургон уехал. Павел добился своего: все двадцать девять мест были приняты. Лида добилась своего: ни одна коробка не отправилась сразу в общий резерв.

Они подписали транспортный акт на краю карантинного стола. В графе «расхождения» Лида перечислила продавленный угол, следы конденсата и изолированную коробку. Павел прочитал список дважды.

— Ты вписала каждую вмятину.

— Такой порядок.

— Я не критикую. Пытаюсь вспомнить, когда мы последний раз могли себе его позволить.

— Порядок не роскошь.

— Площадь — роскошь. Отопление — роскошь. Три специалиста на весь город — тоже, если спросить комитет.

Он поставил подпись и не сразу вернул ручку.

— Через шесть недель часть резерва уйдёт, Лида. Я хочу, чтобы ты услышала это от меня сейчас, а не увидела в приказе.

— Что значит «уйдёт»?

— Повреждённое, невостребованное, дубли. То, чему мы не можем обеспечить хранение. Сначала предложим библиотекам и мастерским. Остальное спишем.

— По карточке состояния?

— По карточке состояния, статистике выдачи и полноте содержания.

Последние два слова заставили её посмотреть на него.

— Полноте содержания?

— Если утрачен финальный блок, книга не выполняет функцию. Ты сама это пишешь в заключениях.

— Я пишу: «утрата листов». Я не пишу, что книга перестала быть книгой.

— Для читателя разница быстро становится теоретической.

— Тогда пусть читатель и решает.

Павел вернул ручку.

— У нас нет возможности приглашать отдельного читателя к каждому повреждённому тому.

— Зато есть возможность решить за него оптом.

— Есть возможность не закрыть Центр.

Он не повысил голос. Именно поэтому ответ Лиды прозвучал бы истерикой, каким бы спокойным он ни был. Она отвернулась к коробкам и стала выравнивать жёлтые карточки.

— До пятницы, — повторил Павел. — Первичная сортировка. Сонин фонд не исключение.

— Я поняла.

— Это не согласие.

— Ты просил услышать.

За дверью мастерской гудел вытяжной шкаф. Где-то на втором этаже уронили металлическую линейку, и звон пробежал по старым перекрытиям. Павел постоял ещё немного, словно искал формулировку, которая могла бы стать одновременно распоряжением и утешением. Не нашёл.

— Не оставайся одна после закрытия, — сказал он.

— Почему?

— Потому что ты не обедала.

Это было не объяснение. Он ушёл в кабинет, а Лида обнаружила рядом с остывшей кружкой завёрнутый бутерброд.

После пяти Центр опустел. Майя заглянула в приёмную, предложила помочь и не обиделась на отказ. Охранник включил ночное освещение в коридорах. Высокие окна стали чёрными, отражая стеллажи и одинокую Лиду между ними.

По инструкции работа с новым поступлением должна была прекратиться. Карантинная зона печатывалась до утра, если не было активной влаги. Лида закрыла журнал, сняла перчатки и дошла до раздевалки. Там она увидела в своём открытом шкафчике Сонин шарф.

Шарф лежал в пакете уже третий день. Лида привезла его из квартиры вместе с рабочей одеждой и всё собиралась решить, нужно ли стирать. Он ничем не пах — ни Сониными духами, ни улицей, ни больницей. Просто зелёная шерсть с вытянутой петлёй у края. Отсутствие запаха показалось окончательнее любого документа.

Лида закрыла шкафчик, не взяв пальто, и вернулась к коробкам.

Она выбрала номер семь, потому что Соня любила это число. Нет, не любила — однажды сказала, что люди напрасно приписывают числам характер. Но поставила семь синих чашек на выставочный стол, потому что восьмая разбилась, а шесть выглядело «слишком намеренно». Лида поймала себя на том, как быстро память подгоняет случайность под объяснение.

На карточке коробки значилось: «Без видимых повреждений». Она перенесла её на стол, проверила контрольную пломбу и внесла внеурочное вскрытие в журнал. Даже нарушение Лида совершала по форме.

Внутри лежали книги по работе с музейными сообществами, каталоги небольших выставок и художественная проза. Соня ставила рядом вещи, которые, по её словам, должны были спорить. Лида когда-то пыталась разделить её полки по назначению, но через неделю обнаружила руководство по освещению витрин между романом в письмах и книгой о болотных растениях.

Первые шесть изданий не содержали ничего необычного. В седьмом, «Корабле в сухой гавани» вымышленной писательницы Нины Ларской, между страницами сто сорок восемь и сто сорок девять лежала узкая полоса серой бумаги.

Лида не сразу коснулась её.

Она сфотографировала разворот, записала страницу, надела новые перчатки. Бумага была плотной, с неровным волокнистым краем — обрезок паспарту, какие Соня использовала для подписей к экспонатам. На одной стороне карандашом было написано: «не сейчас». Без точки.

Почерк принадлежал Соне.

Лида прочла надпись ещё раз. Потом посмотрела на страницу. Герои морской повести обсуждали шторм, до которого оставалось два дня пути. Никакой подчёркнутой фразы, никаких помет на полях.

Она положила закладку в прозрачный карман, не меняя ориентации. В карточке написала: «Вложение 7/1. Бумажная полоса, графитная запись владельца, две единицы текста». Слова «не сейчас» в описание не внесла. Персональные пометы требовали отдельного режима доступа — удобное правило, когда не хотелось показывать их Павлу.

Следующая книга лежала под тремя каталогами. «Дом у северного сада», семейный роман. Закладка из кремовой бумаги на странице двести три. На ней: «после маминого звонка».

Третья — подростковое приключение «Маяк наизнанку», страница девяносто одна. Вложением служил трамвайный билет, на обороте которого Соня написала чужое имя: «Тим К.»

Четвёртая — переводной роман «Глухая сторона речи». На закладке: «Рена. Сверить главу 12».

Пятая — «Зимний адрес», любовная история, остановленная почти у конца. «Инга не готова».

Шестая — старое издание сказки «Дочь часовщика», закладка была вырезана из детского рисунка. На лицевой стороне — красный дом с четырьмя трубами, на обороте только буква «П».

Лида раскладывала книги слева направо. Записи перестали выглядеть случайными уже после третьей, но она продолжала действовать так, словно выполняла обычный осмотр: замечала формат, отмечала состояние, проверяла блок на плесень. Профессиональная последовательность удерживала руки от дрожи.

Седьмой книги в коробке не оказалось.

Зато под последним каталогом лежал сложенный лист. Не записка — таблица, начерченная Соней от руки. Семь строк, четыре столбца. В первом — названия. В шести строках они совпадали с книгами на столе. В седьмой было написано: «Река начинается после моста».

Лида знала это название.

Так называлась Сонина рукопись, о которой та говорила то как о романе, то как о материале для выставки, то как о способе «проверить, сколько стены помещается в двери». Последнее выражение раздражало Лиду нарочитой загадочностью. Она просила объяснить нормально. Соня отвечала, что нормально будет, когда сама поймёт.

Во втором столбце стояли номера страниц. В третьем — имена или инициалы: Зоя, Тим, Рена, Инга, П. У двух строк вместо имени был прочерк. В четвёртом — короткие пометы: «вернуть», «спросить вслух», «не подменять», «только владелец».

Над таблицей Соня написала: «Семь остановок».

Лида села.

Стул на колёсиках отъехал чуть дальше, чем она ожидала, и край стола ударил её под рёбра. Шесть недель назад — нет, уже почти семь — Соня принесла в Центр папку и попросила посмотреть заявку на весеннюю выставку. Лида в тот день восстанавливала книгу после неудачного домашнего ремонта: владелец промазал корешок строительным клеем, страницы раскрывались только на треть. Соня говорила быстро, перескакивая с бюджета на записи читателей и обратно.

Лида сказала, что заявка сырая.

Соня ответила, что поэтому и принесла.

Лида нашла в смете три ошибки, в согласиях участников — пропущенную подпись, в концепции — ни одного понятного результата. Она помнила красный карандаш в своей руке. Помнила, как Соня выдернула лист слишком резко и надорвала край. Помнила последние слова сестры — или думала, что помнит.

«Ты всегда...»

Дальше вместо фразы возникал шум вытяжки.

После ссоры Соня ушла. Через четыре дня её машина столкнулась с грузовиком на мокрой объездной. Эти события не были связаны, кроме как в Лидиной памяти, где одно без конца пыталось стать причиной другого.

Теперь перед ней лежал список, составленный до той встречи или после неё. Сонин почерк на последних строках становился мельче, будто она спешила. У седьмого названия вместо страницы стояла черта. В последней клетке: «Лиде — если получится».

Лида перечитала три слова.

Она знала, как составляются акты. Знала разницу между пометой владельца, рабочей гипотезой и распоряжением. «Если получится» не означало «закончи». «Лиде» могло относиться к экземпляру, к разговору, к передаче папки. Таблица не имела даты. Не было подписи. Не было даже глагола.

Но горе не требовало грамматически полного поручения.

Ему хватило имени.

В коридоре щёлкнуло реле ночного света. Половина ламп погасла, и приёмная сузилась до освещённого прямоугольника вокруг стола. За его краем коробки темнели ровными уступами. Лида представила, как Павел утром увидит семь разложенных книг, внесёт их в общий график, потребует решения до Ночи инвентаризации. Повреждённые отправят на оценку списания. Полные — в обменный фонд. Вложения опишут, таблицу положат в архив поступления. Всё будет сохранено и одновременно разобрано на безопасные единицы.

«Ты думаешь, если навела порядок, то ничего не уничтожила».

На этот раз Лида вспомнила свой ответ. Она сказала: «По крайней мере, после меня можно что-то найти».

Соня рассмеялась — не весело, а коротко, от бессилия.

Лида поднялась и закрыла жалюзи на стеклянной перегородке кабинета Павла, хотя кабинет был пуст. Потом достала из ящика семь временных карточек. На каждой поставила каран-

дашом номер поступления, шифр экземпляра и страницу остановки. Имена перенесла только туда, где они уже стояли на закладках. Для рукописи оставила пустое место.

Таблицу следовало зарегистрировать как отдельное вложение. Вместо этого она положила лист в бескислотную папку и убрала в свой рабочий планшет.

Это было первое решение, которое нельзя было оправдать процедурой.

Лида сказала себе, что лишь отложила регистрацию до выяснения контекста. Что персональные данные требуют осторожности. Что Соня могла готовить исследование, и публикация списка без согласия участников была бы нарушением. Всё это было правдой. Ни одна из этих причин не объясняла, почему у Лиды стало легче дышать, когда таблица исчезла из общего дела.

Она вернула шесть книг в коробку, каждую завернув в отдельный лист нейтральной бумаги. «Корабль в сухой гавани» оставила на столе. Не потому, что он был первым в списке: порядок строк начинался с семейного романа. Не потому, что запись «не сейчас» звучала важнее других.

Эту книгу Лида узнала.

Она сама подарила её Соне три года назад, а потом взяла почитать в поездку. На странице сто сорок восемь Лида закрыла книгу во время телефонного разговора с сестрой и больше не открывала. Как экземпляр вернулся на Сонину полку, она не помнила. Вероятно, отдала при очередной встрече. Вероятно, Соня сохранила её остановку точнее, чем она сама.

В таблице напротив первой строки имени не было. Только: «начать с той, кто считает, что закончила».

Лида провела пальцем по прозрачному карману с серой закладкой. Бумага под плёнкой выглядела темнее, чем минуту назад, словно вобрала влагу из воздуха. Она проверила гигрометр: сорок четыре процента, норма. Поднесла карман к лампе. Волокна лежали спокойно, графит не расплылся.

«Не сейчас».

Чьи это были слова? Сонины — несомненно. Но относились ли они к книге, к Лиде, к их последнему разговору?

Она могла утром передать список Майе. Могла написать участникам, если контакты найдутся в Сониных папках. Могла честно признать, что три слова не складываются в послание.

Вместо этого Лида открыла шкаф с реставрационными материалами.

Для временных закладок Центр использовал полосы хлопковой бумаги без клея и красителей. Лида выбрала лист кремового цвета, отмерила два сантиметра по короткой стороне и приложила металлическую линейку. Нож легко прошёл по волокну.

На верхнем крае она поставила шифр книги. Ниже — номер страницы: 148.

Потом, нарушая собственное правило не писать вывод до осмотра, добавила одно слово: «первая».

Серая Сонина полоска осталась в защитном кармане. Новую Лида вложила рядом с ней, не между теми же страницами, а у титульного листа, чтобы утром никто не принял рабочую копию за оригинал. Она ещё не знала, зачем понадобятся две закладки. Только чувствовала: одна отмечает место, где остановилась она, другая — место, откуда намерена продолжить.

В глубине здания ударили часы старой типографии. Механизм давно отключили, но иногда, при перепаде температуры, металл в башне сокращался и выдавал один глухой звук.

Лида посмотрела на часы телефона. До полуночи оставалось двадцать семь минут.

Она закрыла журнал карантинной зоны, однако книгу со стола не убрала.

Глава 2. Человек с пустым именем

В одиннадцать сорок семь Лида решила, что ждёт напрасно.

Она не смогла бы объяснить, чего именно. Книга лежала на карантинном столе, раскрытая на титульном листе. Серая закладка Сони оставалась в прозрачном кармане, кремовая — рядом. Ночной Центр жил обычными звуками: вытяжка в мастерской, вода в трубах, редкий треск старых перекрытий. Ничто не подтверждало, что семь строк в таблице означают больше, чем незавершённый проект выставки.

Лида включила верхний свет и сразу выключила. Белые лампы делали ожидание смешным.

Она могла дочитать морскую повесть. До конца оставалось меньше половины, часа три спокойного чтения. Тогда первая строка Сониного списка получила бы результат, а утром Лида внесла бы книгу в обменный фонд. Самый простой способ проверить поручение — выполнить его буквально.

Но помета гласила не «дочитать».

«Начать с той, кто считает, что закончила».

Лида открыла страницу сто сорок восемь. Последний прочитанный ею абзац начинался с описания пустого рейда. Капитан Элиас вёл старый грузовой корабль к острову, которого не было на новых картах. Команда готовилась к шторму, молодой штурман прятал повреждённый компас, а в сухой гавани — так называли залив, отрезанный от моря песчаной косой, — ждал человек с сигнальным фонарём.

Лида помнила фонарь. Компас — нет.

Она прочла полстраницы вперёд и остановилась. Штурман признался в поломке слишком легко, хотя в памяти Лиды скрывал её ещё долго. Капитан не рассердился. Остров оказался виден с палубы. Всё шло не так, как она ожидала три года назад, и это вызвало почти личное раздражение.

Лида вернулась к началу главы. На полях не было помет. Сониная закладка лежала точно у сгиба, но доказать, кто поставил её сюда, невозможно. Возможно, Соня просто нашла книгу закрытой на этой странице и записала фразу Лиды. Возможно, всё придумала для выставки. Возможно, «не сейчас» относилось к разговору, который Лида не помнила.

В одиннадцать пятьдесят девять погасла вытяжка.

Она отключалась по таймеру каждую ночь. Лида знала это и всё равно подняла голову.

Тишина в бывшей типографии не была отсутствием звука. Она состояла из множества малых напряжений: остывающий металл, дыхание вентиляции в дальнем крыле, движение воды под двором. В этой тишине бумага под Лидиной рукой дрогнула.

Не страница. Закладка.

Кремовая полоска медленно втянулась между титульным листом и переплётом, будто её потянули за нижний конец. Лида прижала ладонь к книге. Бумага остановилась. Когда она убрала руку, на столе остался тонкий влажный след.

Гигрометр показывал сорок четыре процента.

Полночь наступила без боя часов. Цифры на телефоне сменились, и одновременно между страницами подул ветер.

Лида отшатнулась. Листы перелистнулись сами — не быстро, а тяжело, пачками, как под сильным сквозняком. Остановились на сто сорок восьмой. Из разворота пахнуло солью, мокрой верёвкой и чем-то горьким, похожим на дым дешёвой лампы.

На бумаге выступила вода.

Сначала капля собралась над строчкой, затем скатилась к корешку, оставив за собой блестящую дорожку. Лида потянулась за промокательной бумагой. Край стола исчез под её пальцами.

Она успела подумать, что упала.

Падения не было. Пол оказался на месте — только не линолеум приёмной, а мокрые доски, уходившие под уклон. Лида стояла на палубе. Над головой бился серый парус. Ветер ударил в лицо так сильно, что пришлось ухватиться за канат.

Книга осталась в её левой руке.

Вокруг не было Центра. За бортом поднималась чёрная вода, впереди тянулась бледная песчаная коса. За ней, где должна была лежать сухая гавань, горел один жёлтый огонь.

Лида закрыла глаза и открыла снова.

Палуба не исчезла.

Она опустила руку на колено и коснулась доски. Древесина была сырой, но странно гладкой: без заусенцев, без щелей, без следов смолы. Так Лида представляла палубу, когда читала, — достаточной, чтобы по ней ходить, но лишённой подробностей, которые автор не заставил её заметить.

— Осторожнее, — сказал кто-то за спиной. — Здесь край.

Лида обернулась.

У мачты стоял мужчина. На вид ему было около сорока, хотя определить возраст мешало лицо. Не потому, что оно было скрыто. Наоборот, Лида видела каждую черту: тёмные брови, прямой нос, глубокую складку у рта, светлый шрам на подбородке. Но стоило перевести взгляд, и соотношение менялось. Шрам оказывался у виска. Волосы становились то короткими, то до воротника. Серый плащ напоминал морскую куртку, потом дорожный сюртук, потом снова плащ.

— Где я? — спросила Лида.

— На корабле.

— Это я вижу.

— Тогда вопрос был о другом.

Он говорил спокойно, без насмешки. За его спиной палуба обрывалась метрах в трёх от кормы. Там не было моря или тумана — только белая поверхность, вертикальная и плоская, как незаполненное поле страницы.

— Не подходите, — сказал мужчина. — За краем ничего не удерживает.

Лида сжала книгу. Обложка намокла, но название оставалось читаемым.

— Это сон.

— Возможно.

— Галлюцинация.

— Возможно.

— Вы кто?

Мужчина посмотрел на неё с неожиданной усталостью.

— Здесь это плохой вопрос.

— Почему?

— Потому что я не знаю ответа, а вам понадобится тот, кто знает хоть что-нибудь.

Ветер налетел снова. Парус хлопнул. Лида инстинктивно прижала книгу к груди, защищая от брызг.

— Уберите её под плащ, — сказал мужчина. — Если страницы размокнут, место не станет полнее. Только тяжелее.

— Как выйти?

— Дойти до остановки.

— Я уже на ней. Страница сто сорок восемь.

— Страница — метка. Не остановка.

Лида шагнула к нему.

— Где дверь?

— Вы её не прочитали.

— В книге есть дверь?

— Если есть, я не знаю.

— Вы персонаж этой повести?

Его одежда дрогнула, на миг превратившись в тёмный морской китель. На рукаве блеснула пуговица с якорем, хотя Лида не помнила описания формы у капитана Элиаса.

— Может быть, вы так решили.

— Капитан?

— Нет.

— Штурман?

— Нет.

— Человек с фонарём?

Мужчина повернулся к жёлтому огню за косой. Его профиль стал моложе.

— Я ещё не появился на той странице, которую вы прочли.

Лида открыла книгу. Строки были на месте, но после последнего знакомого абзаца бумага побелела. Она перевернула страницу. Пусто. Следующая — тоже. Текст существовал только до середины сто сорок восьмой, хотя несколько минут назад она прочла дальше.

— Здесь испорченный экземпляр, — сказала она.

— Нет.

— Тогда почему нет текста?

— Вы его не принесли.

— Книга у меня в руках.

— Вы принесли не книгу.

Он коснулся пальцем виска, но жест выглядел заимствованным и неуверенным, словно так делал кто-то другой.

Лида листала назад. На странице сто сорок семь текст был полным. На сто сорок шестой — тоже. Ранние главы сохранялись, но не все одинаково. Там, где автор подробно описывал каюту, стояли стол, койка, медная лампа. В других местах предложения распадались на отдельные предметы. «Матросы ужинали» превратилось в миску на пустой лавке. Ни одного матроса поблизости не было.

— Это из моей памяти, — сказала Лида.

— И из того, чего вы ждали.

— Откуда вы знаете?

— Потому что другого здесь не бывает.

— Вы сказали, что ничего не знаете о себе.

— Я не сказал «ничего».

Мужчина подошёл к борту. Море справа тянулось до горизонта, но слева заканчивалось белой стеной. Он не смотрел туда.

— Вы вошли с меткой, — продолжил он. — Место построилось до той минуты, где вы остановились. Дальше есть ожидание, но нет прочитанного. Ожидание умеет притворяться дорогой. Если пойдёте по нему, вернуться будет труднее.

— Значит, мне надо дочитать.

— Здесь нельзя дочитать то, чего здесь нет.

— Настоящий текст существует.

— Снаружи.

— Тогда верните меня наружу.

— Дойдите до остановки.

Лида глубоко вдохнула. Паника мешала думать, а думать следовало последовательно. Последнее надёжно установленное состояние: она находилась в приёмной Центра, держала книгу, наблюдала аномальное движение закладки. Возможные причины: обморок, интоксикация, неврологический эпизод, сон. Любая из них требовала выбраться в безопасное место или привлечь помощь.

Она достала телефон. Экран светился, но показывал 00:00. Связи не было. Камера открылась. На снимке палуба получилась, мужчина — нет. Вместо него у мачты стояла вытянутая тень.

— Подойдите, — сказала Лида. — Я сфотографирую ещё раз.

— Зачем?

— Проверить, существуете ли вы независимо от моего восприятия.

— И что решит фотография, сделанная вашим восприятием?

Она не ответила.

На носу корабля что-то ударило. Потом ещё раз. Из серого воздуха выступила фигура моряка, но лишь наполовину: сапоги, рука с мокрым рукавом, край бороды. Лица не было. Моряк тянул снасть, привязанную к пустоте.

— Команда, — сказал мужчина. — Вы помните, что она работала перед штормом. Людей — нет.

— Я помню капитана.

— Вы помните, что он был.

Из-под люка донёсся приказ. Голос звучал убедительно, но слов Лида не разобрала. В её памяти капитан Элиас всегда говорил хрипло. Почему — неизвестно. Возможно, так было написано. Возможно, она дала ему голос актёра из старого фильма.

— Если это моя память, я могу ею управлять.

Лида представила дверь приёмной: металлическую, с узким стеклом, знакомой царапиной возле ручки. Дверь появилась у основания мачты. Настолько точно, что Лида увидела наклейку «Не подпирать».

Она рванула ручку.

За дверью оказалось море.

Вода стояла вертикально и не проливалась на палубу. В глубине проплыл серебристый косяк рыб — одинаковых, схематичных, как на иллюстрации. Лида захлопнула дверь.

— Вы создали вход, — сказал мужчина. — Не выход.

— Очень полезное различие.

— Мне жаль.

— Не похоже.

— У меня нет собственного лица. Возможно, сожаление выглядит чужим.

Лида посмотрела внимательнее. Теперь у него были серые глаза. Или зелёные. Свет менялся слишком быстро.

— У вас должно быть имя.

— Наверное.

— Назовите любое.

— Если вы назовёте, я начну отзываться. Это не значит, что имя моё.

— Вы появляетесь во всех таких местах?

— Я появляюсь, когда нужен проводник.

— Кто решает, что он нужен?

— Тот, кто не может выйти.

— Соня?

Имя прозвучало громче ветра.

Мужчина не изменился, и именно это разочаровало Лиду. Она ждала узнавания: поворота головы, улыбки, хотя бы паузы.

— Я не знаю Соню, — сказал он.

— Закладку сделала она.

— Метку сделала она. Место ваше.

— Она была здесь?

— Я не знаю.

— Вы говорили с ней?

— Не знаю.

— Удобно.

— Нет. Если бы я мог придумать ответ, вам было бы удобнее.

Лида отвернулась. За песчаной косой по-прежнему горел фонарь. Это был единственный завершённый предмет на горизонте, слишком ясный по сравнению с кораблём. Она вспомнила, как ждала появления человека у фонаря. Не потому, что автор обещал тайну. Просто ей хотелось, чтобы кто-нибудь на берегу знал, зачем корабль идёт к несуществующему острову.

— Остановка там, — сказала она.

Мужчина проследил за её взглядом.

— Возможно.

— Я не дошла в книге до гавани. Значит, это ожидание. Вы сказали, оно притворяется дорогой.

— Да.

— А если я всё равно пойду?

— Увидите ответ, который уже придумали. Он покажется найденным.

— И что в этом опасного?

— Вы забудете, что принесли его с собой.

Корабль качнуло. Где-то впереди закричал невидимый матрос. Парус натянулся, и судно начало двигаться к песчаной косе.

— Мы идём туда, — сказала Лида.

— Потому что вы решили, что остановка там.

— Остановите корабль.

— Я не капитан.

Лида бросилась к штурвалу. Он возник у носовой надстройки, хотя на настоящем корабле такого типа должен был находиться в другом месте. Лида не знала морского устройства достаточно хорошо, и пространство послушно разместило управление там, где его ожидал непрофессиональный читатель.

Штурвал не поворачивался. Она навалилась плечом, потом позвала мужчину.

— Помогите.

Он положил руки на соседние спицы. На правой ладони был ожог, через мгновение исчезнувший.

Вместе они повернули колесо. Корабль не изменил курса.

— Это не судно, — сказал он. — Это ваше движение к ответу.

— Говорите нормально.

— Вы хотите, чтобы за фонарём было объяснение. Пока хотите, корабль будет идти.

— Любой читатель хочет узнать продолжение.

— Вы закрыли книгу.

— Потому что мне позвонили.

Корабль ускорился.

Мужчина отпустил штурвал.

— Кто?

- Соня.
- Что она сказала?
- Не помню.
- Что сказали вы?
- Не помню.

Песчаная коса приближалась. Теперь Лида различала на ней чёрные столбы. Они походили на сваи причала, но стояли слишком далеко друг от друга. Между ними белело то же пустое пространство, что за кормой.

- Я не обязана вспоминать разговор, чтобы выйти из книги.
- Не обязаны.
- Тогда предложите другой способ.
- Я не назначаю способ.
- Для проводника вы удивительно мало делаете.
- Я показываю край.

Он указал на косу. Жёлтый свет вырос, обрёл форму окна. За ним появилась комната: Сонина кухня, круглый стол, синяя чашка. Соня сидела спиной. Её волосы были собраны кое-как, карандаш держал пучок.

Лида шагнула вперёд.
Мужчина схватил её за рукав.

- Это не она.
- Отпустите.
- Вы не прочитали её в этой книге.
- Я её помню.
- Поэтому она здесь. Но это не делает её ответом.

Соня за окном повернула голову. Лицо оставалось невидимым, залитым жёлтым светом.
— Лида, — позвала она.

Голос был точным.

Лида рванулась, мужчина удержал. Его рука стала сильнее, а лицо на мгновение приобрело черты капитана с обложки — квадратную челюсть, седую бороду.

- Отпустите меня!
- Назовите, где вы остановились.
- На странице сто сорок восемь!
- Нет.
- В день её звонка!
- Это время.

Корабль коснулся песка, но не сел на мель. Нос вошёл в белизну между сваями. Палуба начала исчезать доска за доской. Невидимые матросы кричали уже человеческими голосами, каждый — голосом кого-то из Центра.

Соня за окном поднялась.
— Я не договорила, — сказала она.

Лида знала, что сестра могла произнести эти слова. Знала также, что не помнит их. В этом была ловушка — не в неправдоподобии, а в совершенстве догадки.

— Я бросила книгу не из-за звонка, — выговорила Лида.

- Корабль замедлился.
- Почему? — спросил мужчина.
 - Мы поссорились.
 - Из-за книги?
 - Нет.
 - Тогда книга здесь ни при чём.

Лида смотрела на Сонину спину. Проще было сказать, что да, ни при чём. Телефонный разговор оборвал чтение, потом поездка закончилась, экземпляр вернулся на полку. Обычная случайность.

Но она вспомнила гостиничный номер, дождь за окном и раскрытую повесть на коленях. После звонка Лида пыталась читать дальше. Трижды начинала один абзац. Капитан говорил штурману, что повреждённый компас не виноват в решении скрыть поломку. Фраза казалась адресованной ей. Лида захлопнула книгу и засунула под одежду в чемодане, чтобы не видеть.

— Я могла продолжить, — сказала она. — Не продолжила.

Палуба снова стала твёрдой.

— Почему?

— Потому что тогда пришлось бы остаться в том разговоре.

— Как книга удерживала разговор?

— Никак. Я удерживала.

Соня за окном положила ладонь на стекло.

— Я решила, что закончила с ней, — продолжила Лида. — Не с книгой. С ссорой. Я сказала себе, что Соня остынет и позвонит первая. А книгу закрыла, потому что она напоминала: скрытая поломка не исчезает, если корабль ещё идёт.

Слова прозвучали слишком складно, почти как вывод. Лида почувствовала отвращение к собственной способности превращать боль в формулировку.

— Это тоже не всё, — сказала она.

Мужчина ждал.

— Я не читала дальше, потому что не хотела узнать, простит ли капитан штурмана. Если простит — мне пришлось бы признать, что я тоже жду прощения. Если нет — я получила бы удобное подтверждение, что Соня виновата. Я не хотела ни того, ни другого. Я хотела считать, что разговор окончен, пока она сама не исправит его за нас обоих.

Жёлтое окно погасло.

Лида вскрикнула и протянула руку, но там уже был только фонарь на далёком берегу. Корабль остановился перед косой. В белой поверхности слева появилась тонкая вертикальная щель.

Мужчина отпустил её рукав.

— Теперь дверь? — спросила Лида.

— Теперь край не притворяется продолжением.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Щель расширилась. За ней виднелся карантинный стол, лампа и двадцать девять коробок. Расстояние было всего в один шаг, но внизу между палубой и линолеумом колыхалась тёмная вода.

Лида не двигалась.

— Если выйду, что станет с вами?

Мужчина посмотрел на свои руки. Ожог исчез, зато на левом запястье появился тонкий кожаный браслет.

— Не знаю.

— Вы останетесь здесь?

— Возможно.

— Вы правда ничего не помните?

— Помню края. Помню людей, которые хотят пройти за них. Иногда помню имена, но они принадлежат не мне.

— Вы знали, что та Соня ненастоящая.

— Я знал, что вы не могли встретить её в прочитанном тексте.

— Это всё?

— Этого оказалось достаточно.

Лида прижала книгу к себе. Обложка была сухой, хотя плащ промок насквозь. Она хотела спросить, как вернуться сюда, но вопрос показался опаснее ответа.

— У вас есть имя? — повторила она.

Мужчина улыбнулся. Теперь складка у его рта напоминала Сонину, и Лида немедленно отвела взгляд.

— Было бы, я бы вам не отдал.

— Почему?

— Вы слишком хотите, чтобы всё найденное было оставлено лично вам.

Она шагнула к двери.

Вода под ногой оказалась холодной. На мгновение Лида погрузилась до колена, хотя расстояние между мирами было не шире порога. Мужчина подхватил её за локоть и толкнул вперёд.

Лида упала на линолеум.

За спиной хлопнул парус. Она перевернулась. На месте двери лежала раскрытая книга, её страницы быстро перелистывались назад. Между ними мелькнула мужская рука, затем серый плащ, затем белое поле. Обложка захлопнулась.

В Центре работала вытяжка.

Телефон показывал 00:03.

Лида села, проверила пульс, зрачки в отражении чёрного окна, координацию. Колено болело от падения. Одежда была сухой. Никакого запаха соли.

Она позвонила охраннику. Гудки шли, но прежде чем он ответил, Лида отключилась. Что она скажет? «Проверьте, не исчезала ли я в книге три минуты»? Если это был обморок, охранник вызовет скорую, Павел узнает утром. Если не обморок — тем более нельзя начинать с объяснения по телефону.

Лида открыла камеру. Первый снимок показывал пустую палубу, как она и помнила. Но свойства файла указывали, что фотография сделана в 00:01 в приёмной Центра. Геолокация совпадала с адресом типографии.

Она увеличила изображение. У мачты лежала тень человека. На запястье тени темнела полоска.

Лида сняла книгу со стола и осмотрела под лампой. Влаги отсутствовала, деформации блока не было, бумага сохраняла нормальную температуру. Серая закладка Сони лежала в защитном кармане.

Кремовой закладки на титульном листе не оказалось.

Лида перелистнула к странице сто сорок восемь. Полоска находилась там, поверх серой, хотя Лида точно не вкладывала рабочую копию в разворот. Слово «первая» размылось, будто на него попала вода.

На нижнем крае бумаги проступил серый след пальцев.

Не отпечаток — четыре длинные полосы графита, оставленные рукой, которая держала закладку с другой стороны.

Лида положила её в отдельный карман и присвоила номер 7/2. В журнале вложений после долгой паузы написала: «Обнаружено изменение положения. Причина не установлена».

Она не упомянула ни корабль, ни мужчину.

Когда Лида закрыла книгу, из-под переплёта выпала крупинка белого песка.

Она была влажной.

Глава 3. Три выхода

К восьми утра песчинка высохла.

Лида нашла её там, где оставила: в маленькой стеклянной чашке под перевёрнутым стаканом. За ночь белое зёрнышко не растворилось, не потемнело и не превратилось в обыкновенную пыль с подоконника. Оно лежало в центре чашки, слишком лёгкое для доказательства и слишком настоящее, чтобы его выбросить.

Она начала с того, что умела.

Рабочий халат, перчатки, верхний свет. Чистый лист под книгой. Фотография общего вида, корешка, обреза, разворота сто сорок семь — сто сорок восемь. Замер влажности бумаги дал обычные для карантинной комнаты шесть процентов. На кремовой закладке расплылось только слово «первая»; графитовые полосы не размазывались и не переходили на ватный тампон. Серую Сонину полосу Лида не трогала до тех пор, пока не поставила рядом линейку и цветовую шкалу.

Потом всё-таки сняла защитный карман.

На серой бумаге по-прежнему было написано: «не сейчас». Сонин почерк — быстрый, с высокой буквой «с», похожей на незакрытую скобку. На обратной стороне обнаружилась вмятина от карандаша. Лида положила закладку на косой свет и различила две короткие черты, оставленные через другой лист: `Л. / 148`.

Не послание. Скорее инвентарная подсказка, сделанная человеком, который раскладывал чужие книги и боялся перепутать владельцев.

Лида испытала почти обиду.

Она тут же устыдилась этой обиды и записала наблюдение в журнал.

Дверь карантинной комнаты открылась без стука. Павел внёс две кружки и пакет с булочками, сложенный треугольником.

— Вы ночевали здесь?

— Нет.

— Тогда почему отвечаете голосом человека, который ночевал здесь?

— Потому что вы пришли раньше девяти.

Он поставил кружку на край стола. Лида молча передвинула её на металлическую тумбу, подальше от бумаги.

— Я взял без сахара, — сказал Павел. — Это считается соблюдением протокола?

— Если не пролить.

Он оглядел разложенные пакеты, шкалу, лупу и книгу в колыбели.

— Успели далеко?

— Проверяю вложения коробки номер семь.

— Я про первичную сортировку.

— Восемь коробок из двадцати девяти.

— Вчера было восемь.

— Значит, учёт работает.

Павел поджал губы, но спорить не стал. Он выглядел так, будто тоже спал мало: на подборке остался пропущенный бритвой участок, воротник рубашки загнулся внутрь. Под мышкой он держал синюю папку с наклейкой «Ночь инвентаризации».

— В десять придёт подрядчик, — сказал он. — Покажу ему резерв и каталог. Нужен пример книги, которую нельзя выдать, но можно представить в новом сервисе.

Лида закрыла ладонью морскую повесть.

— Эта принадлежит наследственному поступлению. Права на текст у издателя, разрешения на переработку нет.

— Мы не перерабатываем текст. Мы делаем справочное завершение сюжета.

— Завершение без текста называется выдумкой.

— Краткая реконструкция по доступным данным.

— «Капитан добрался до гавани» — это доступные данные или ваше желание, чтобы он добрался?

Павел посмотрел на обложку.

— Я эту книгу не читал.

— Вот именно.

— Но кто-то читал. Рецензии, карточки, архивные описания. Мы не станем сочинять наугад.

Лида вспомнила окно на песчаной косе. Сонину спину, точный голос, ладонь на стекле. Ложь не была случайной. Она собиралась из всего, что Лида знала, и потому превосходила любую небрежную выдумку.

— Иногда наугад получается убедительнее всего, — сказала она.

Павел усмехнулся:

— Это возражение или рекламный слоган?

Он взял синюю папку и направился к двери.

— До десяти уберите личные документы поступления. И, Лида... Я понимаю, чьи это коробки. Но пятница наступит независимо от того, будете вы их разбирать или разговаривать с каждой закладкой.

Когда дверь закрылась, она вытащила из-под ладони книгу. Между обложкой и первым листом ничего не изменилось.

Разговаривать с закладкой было бы проще.

До полудня Лида провела четыре опыта. Положила кремовую полоску на страницу сто сорок восемь и закрыла книгу. Перенесла серую туда же. Оставила обе, как ночью. Выключила свет, хотя понимала бессмысленность этого жеста. Каждый раз ждала минуту, затем пять. Бумага оставалась бумагой.

Она проверила фотографию с палубой на рабочем компьютере. В свойствах файла не было следов редактирования. Тень у мачты при увеличении рассыпалась на квадраты, однако полоска на запястье сохранялась при трёх разных алгоритмах просмотра. Системные часы камеры в телефоне совпадали с серверными. В журнале доступа значилось, что в 23:48 Лида вошла в карантинную комнату, а в 00:17 вышла. Датчик двери не фиксировал прохода между этими отметками.

Ни один факт не доказывал корабля.

Вместе они не оставляли места удобному объяснению.

Песчинку она рассмотрела под микроскопом. Окатанный кварц, обломок светлой раковины, тёмная точка неизвестного минерала. Такой песок мог приехать в переплёте с побережья, попасть в коробку, прилипнуть к рукаву. Морская повесть издавалась пятнадцать лет назад в Стрежне; экземпляр покупала Лида, и к морю он никогда не ездил. По крайней мере, вместе с ней.

В два часа Павел провёл подрядчика по коридору. Мужчина в белых кроссовках говорил громко, словно помещения уже принадлежали презентации.

— Пользователь получает не сухое резюме, — объяснял он, — а эмоционально завершённый опыт. Мы восстанавливаем траекторию намерения.

— Чьего? — спросила Лида через открытую дверь.

Мужчина остановился.

Павел представил их друг другу, но имя подрядчика Лида сразу забыла.

— Авторского, разумеется, — ответил тот.

— Если финала нет, откуда вы знаете намерение автора?

— Модель анализирует паттерны.

— То есть читательские ожидания.

— В том числе.

— Тогда так и напишите: «Мы выдаём наиболее вероятное ожидание за намерение умершего человека».

В коридоре стало тихо. Павел мягко прикрыл дверь карантинной комнаты.

Лида слышала, как подрядчик после паузы сказал:

— У вас сильная редакционная культура.

Ответ Павла потонул в шуме вытяжки.

К вечеру Лида разобрала ещё одну коробку, но всякий раз возвращалась взглядом к часам. Она убеждала себя, что ждёт возможности повторить наблюдение при тех же условиях. На самом деле она ждала мужчину без лица. Это раздражало сильнее страха.

В одиннадцать сорок она закрыла жалюзи, сообщила охраннику, что заканчивает срочную консервацию, и поставила телефон на штатив. Камера должна была снимать стол непрерывно. На полу Лида наклеила бумажные контрольные метки: у стула, у двери, возле книжной колыбели. На запястье завязала красную хлопковую нить. В карман халата положила блокнот и карандаш, хотя на корабле они могли оказаться лишь тем, чем она ожидала их увидеть.

Серую закладку она оставила в защитном кармане. Кремовую вложила на страницу сто сорок восемь.

В 23:59 ничего не происходило.

Лида смотрела на секундную стрелку настенных часов. Та пересекла двенадцать, дрогнула и пошла дальше. Книга не открылась. Пол не качнулся.

В 00:01 Лида выдохнула и почувствовала облегчение, похожее на разочарование.

Она сняла перчатки, чтобы проверить край закладки. Подушечка указательного пальца коснулась размытого слова «первая».

Бумага под рукой провалилась.

На этот раз падение длилось недолго. Лида ударилась ладонями о мокрую палубу, а книга хлопнула рядом. Красная нить осталась на запястье. Блокнот в кармане намок по краям.

Корабль стоял перед белой косой. Фонарь не горел. Мачта скрипела в неподвижном воздухе.

Мужчина сидел на бухте каната и рассматривал свои руки. Сегодня они не совпадали: левая была широкой, в старых порезах, правая — узкой, с чернильным пятном на среднем пальце. Лицо словно собирали в спешке. Один глаз казался старше другого.

— Вы вернулись, — сказал он.

— Я проводила опыт.

— Так это называется с вашей стороны?

— А с вашей?

— Возвращение.

Лида подняла книгу и сразу спросила:

— Как выйти?

Мужчина посмотрел на щель в белизне. Вчера там была дверь в Центр; сейчас край оставался ровным.

— Вы уже вышли.

— Как выйти снова?

— Выбрать.

— Вчера я ничего не выбирала. Я признала причину.

— Это открыло край. Вы прошли, не решив, что делать с книгой. Поэтому место осталось.

— И сколько раз оно будет меня затягивать?

— Пока остановка остаётся остановкой.

Лида подошла ближе.

— Говорите без загадок. Я могу дочитать книгу?

— Снаружи.

— Здесь страниц нет?

— Здесь есть только те, которые вы прочли.

— Хорошо. Первый выход — вернуться, дочитать настоящий текст и узнать авторский финал.

— Если текст существует.

— А если не хочу?

— Закрыть.

— Я и так закрыла её пятнадцать лет назад.

— Вы отложили. Это не одно и то же.

— Разница словесная.

— Тогда почему вы здесь?

Лида стиснула мокрую обложку. Она ненавидела вопросы, в которых ответ подменяли уликой.

— Допустим, закрыть. Что это значит?

— Признать, что продолжение существует без вашей обязанности его получить. Не ждать, что книга однажды закончит тот разговор.

— Второй выход. А третий?

— Вернуть владельцу.

— Владелец — я.

— Тогда не третий.

— А если книга чужая?

— Вернуть тому, чья остановка построила Комнату. Пусть он выберет сам.

Лида вынула блокнот. Страницы слиплись, но карандаш оставил серую борозду. Она написала: «1. дочитать снаружи; 2. закрыть; 3. вернуть владельцу».

Мужчина наклонился к записи.

— Вы думаете, если перечислить двери, они станут безопаснее?

— Я думаю, правила, которые нельзя записать, называются произволом.

— Я не устанавливал правил.

— Но пользуетесь ими.

— Я остаюсь между ними.

— Очень удобно.

Его лицо дёрнулось. На мгновение на левой щеке появился свежий порез.

— Вы сердитесь не на меня, — сказал он.

— Не решайте за меня.

— Тогда не решайте за книгу.

За кормой раздался всплеск. Там, где вчера была белая пустота, поднималась вода. Она не прибывала волной — проступала сквозь незаконченный мир, заполняя промежутки между досками. В воде отражался берег с фонарём, хотя самого света не было.

— Что будет, если я придумаю четвёртый выход? — спросила Лида.

— Вы уже придумали.

В отражении капитан Элиас стоял у штурвала. Рядом с ним был штурман — молодой, с мокрыми волосами. Корабль входил в гавань. На причале ждали люди с фонарями, и среди них Лида различила женщину в синем пальто.

Соня никогда не носила синего пальто. Но могла бы.

— Это финал? — спросила Лида.

— Ваш.

— Я ничего такого не представляла.

— Вы хотели прощения. Комната нашла форму.

В отражении капитан положил ладонь штурману на плечо. Женщина на причале подняла голову.

— Если я войду туда, что случится?

— Сначала станет легче.

— А потом?

— Вы будете помнить, что капитан простил штурмана.

— Но это неправда.

— Пока будете помнить.

— Что значит «пока»?

Мужчина опустил руки. Чернильное пятно на пальце расплылось, будто под кожей.

— Комната станет плотнее. В следующий раз добавит подробности. Потом вы перестанете различать прочитанное и принесённое. А настоящая причина, по которой вы остановились, станет ненужной. Она сотрётся первой.

— Откуда вы знаете?

— Я видел комнаты, из которых не уходят.

— Чьи?

— Не помню.

— Разумеется.

Он резко встал.

— Вы хотите от меня имён, которых у меня нет, и продолжений, которых я не читал. Если я дам их, вы поверите. Вот цена.

В его голосе впервые прозвучал гнев. Не заимствованная учтивость капитана, не терпение проводника — короткая живая нота, которая тут же исчезла. Лида отступила.

Мужчина посмотрел на отражение. Там женщина в синем пальто уже стояла рядом со штурманом. Её лица по-прежнему не было видно.

— За другого хуже, — сказал он тише.

— Что?

— Если придумать финал за владельца. Комната принимает его быстрее, потому что владельца нет, чтобы возразить. Выдумка занимает свободное место и становится дверью для всех, кто её повторит.

Лида вспомнила подрядчика: модель анализирует паттерны. Эмоционально завершённый опыт. Тысячи читателей, повторяющих наиболее вероятную версию, пока настоящая остановка человека не исчезает под гладким пересказом.

— Можно вытянуть сюда другого?

— Нет.

— Войти с его закладкой?

— Нет.

— Но я вошла с Сониной.

— Вы вошли со своей.

Лида посмотрела на кремовую полосу, выступавшую из книги.

— Серую сделала Соня.

— Метку можно оставить для другого. Остановку — нет.

— Значит, список из её коробки не даёт мне права входить.

— Право не даёт ни один список.

— А если владелец умер?

Мужчина долго молчал. Отражённая гавань приблизилась; вода уже доходила до его ботинок.

— Тогда книга остаётся закрытой, — сказал он. — Не всякая дверь обязана быть открыта. Лида почувствовала, как привычное сопротивление поднимается прежде мысли.

— Удобное правило для того, кто ничего не теряет.

— Я теряю каждого, кто выходит.

Она посмотрела на него.

Лицо опять было составным, но теперь Лида заметила не чужие черты, а промежутки между ними: бледное место у виска, неровную линию подбородка, участок щеки, где кожа словно ещё не решила, кому принадлежит.

— Вы исчезаете?

— Не знаю.

— Вы только что сказали, что теряете.

— Это я знаю.

Вода поднялась до щиколоток. Отражение больше не нуждалось в поверхности: гавань проступала вокруг них. На мачте появились целые паруса, на палубе — команда с лицами. Капитан Элиас шёл к Лиде, держа раскрытый судовой журнал.

— Последняя запись, — сказал он голосом мужчины. — Штурман признался. Корабль спасён. Его простили.

Лида знала, что фраза ложная. И всё же тело ответило раньше разума: плечи расслабились, дыхание стало глубже. Пятнадцать лет она не хотела узнать этот финал, а теперь он сам предлагал именно то, ради чего не пришлось бы звонить Соне первой.

Женщина в синем пальто ждала у трапа.

Лида могла подойти и услышать слова, которых не было. Потом записать их. Потом вспоминать не ссору, а примирение, достаточно правдоподобное, чтобы прожить с ним остаток жизни.

Она выдернула кремовую закладку.

Гавань дрогнула.

— Я не буду дочитывать, — сказала Лида.

Капитан остановился.

— Вы не знаете, что отказываетесь узнать.

— Именно.

Она закрыла книгу. Обложка сопротивлялась, будто между страницами попал толстый предмет. Лида надавила обеими ладонями.

— Эта повесть не обязана отвечать за мой разговор с Соней. Я могла дочитать её тогда и могу сейчас. Не хочу. Не потому, что боюсь капитанского решения. Я закрываю её без решения.

Женщина в синем пальто шагнула с причала на воду.

— Лида, — сказала она Сониным голосом.

Лида зажмурилась.

— И тебя я отсюда не заберу.

Книга захлопнулась.

Звук получился негромким, но гавань рассыпалась сразу. Паруса стали полосами тумана, лица матросов — белыми пятнами. Вода ушла между досками. На месте женщины осталось синее отражение без предмета.

Перед Лидой открылся прямоугольник карантинной комнаты.

Мужчина стоял рядом. Порез на его щеке исчез. Осталось гладкое место, чуть светлее кожи.

— Это всё? — спросила Лида.

— Для этой книги.

- Она больше не откроется?
- Для вашей остановки — нет.
- А если я передумаю и дочитаю?
- Прочитаете книгу.

Он произнёс это так просто, что Лида почти рассмеялась.

- А вы?
- Я останусь там, где нужен край.
- Как вас найти?
- Не ищите меня вместо владельцев.

Прямоугольник начал сужаться.

Лида шагнула через порог, на этот раз не коснувшись воды. Уже из комнаты она обернулась.

- Три выхода, — сказала она. — Дочитать, закрыть, вернуть.
- Три выбора, — поправил он. — Выход один: не лгать о том, кто его сделал.

Корабль исчез.

Телефон продолжал снимать. На записи Лида с 00:01 до 00:06 стояла у стола, положив палец на закладку. Не двигалась, только один раз сжала руки, будто закрывала невидимую тяжёлую крышку. Красная нить оставалась на запястье. Блокнот в кармане был мокрым, а три записанные строки — различимыми.

Кремовая закладка лежала рядом с книгой. Слово «первая» исчезло окончательно.

Лида открыла морскую повесть на странице сто сорок восемь. Бумага больше не проваливалась под пальцами. Текст продолжался на следующей странице, обычный, доступный. Она могла перевернуть лист.

Не перевернула.

Убрала книгу в коробку для возврата себе как наследнице и написала на рабочей карточке: «Консервационное вмешательство не требуется. Решение о дальнейшем чтении не является частью обработки фонда».

Фраза получилась колючей, но точной.

До рассвета оставалось два часа. Лида разложила на столе таблицу «Семь остановок», шесть книг и копию рукописи «Река начинается после моста». Теперь она читала не как сестра, ищущая шифр, а как реставратор, восстанавливающий происхождение вложений.

У каждой строки стояла короткая помета: «Л. / 148», «З. А. / 63», «Т. / 91», «М. К. / 204», «П. И. / 37», «Н. / 112». Раньше инициалы казались ей обозначениями персонажей или частью Сониной системы. Теперь первая строка совпадала с вмятиной на серой закладке.

Л. — Лида.

Она проверила остальные.

В семейном романе на странице шестьдесят три лежала закладка из рецептурного бланка. На обороте — телефон, написанный Сониной рукой, и имя «Зоя Андреевна». В приключенческой повести на девяносто первой странице — уголок школьной тетради с буквой «Т» и детским рисунком маяка. В детективе на странице двести четыре — билет пригородного автобуса, на котором сохранились инициалы М. К. На странице тридцать семь сборника фантастических рассказов лежал синий ярлык Центра; рядом Соня записала «П. И. — не предлагать краткое». Лида перечитала дважды.

Павел Ильин.

В шестой книге, тонком романе о зимнем саде, на странице сто двенадцать была сложенная полоска упаковочной бумаги. Только буква «Н» и дата четырёхлетней давности.

Шесть книг. Шесть разных рук, типов бумаги, способов остановить взгляд. Соня не составляла собственный читательский список. Она собирала чужие остановки.

Лида открыла папку с рукописью.

Седьмая строка таблицы не имела страницы: «С. В. / после моста». Рядом — «не опубликовано» и та самая фраза: «Лиде — если получится».

На первой странице рукописи стояло полное имя: Софья Воронцова. Под ним — рабочее название. Никакой бумажной закладки внутри не было. Последний лист обрывался на середине предложения: «За мостом река делалась такой широкой, что противоположный берег...»

Дальше — белая бумага.

Лида провела пальцем над строкой, не касаясь тонера. Седьмая остановка отличалась от остальных не только отсутствием владельца, которому можно вернуть книгу. У неё не существовало реального текста снаружи. Дочитывать было нечего. Закрыть могла только Соня — и уже не могла.

«Лиде — если получится» не означало «допиши». Не означало и «найди мой финал». Лида пока не знала, что означало. Впервые она позволила этой фразе остаться нерасшифрованной.

Она взяла чистый лист и составила другую таблицу: владелец, подтверждение, способ связи, согласие, решение. В первой строке написала своё имя и отметила: «закрыть». В строке Зои Андреевны — «телефон на вложении, проверить актуальность». Для Т. — «установить через Соню, школу и происхождение книги, без передачи данных третьим лицам». Для М. К. и Н. — сначала найти законное основание для контакта. Напротив Павла поставила прочерк.

Он был в соседнем кабинете каждый день. Именно поэтому начинать с него нельзя.

Если Лида расскажет о Комнате, Павел увидит не опасность, а доказательство проекта. Место, которое само производит эмоциональный финал из ожиданий, покажется ему идеальным инструментом восстановления. Он не станет лгать из корысти. Он скажет, что помогает читателю. Он приведёт подрядчика, камеры, каталог, чужие закладки.

И Комнаты станут плотнее.

Лида закрыла папку с рукописью и убрала её в отдельный бескислотный короб. На карточке не написала «незавершённая». Написала: «Авторская рукопись. Существующий объём сохранён полностью».

За окнами посветлело. Типография проступала из темноты медленно: кирпичная стена, водосточная труба, двор с полосами старого снега. Никакого моря.

В 07:14 пришло сообщение от Павла: «Подрядчик просит список материалов для тестовой реконструкции. Дай три позиции к девяти».

Лида посмотрела на синюю закладку с его инициалами.

Потом ответила: «Материалы наследственного поступления требуют проверки прав и согласий. К девяти дам перечень из открытого фонда без личных вложений».

Три точки появились сразу, исчезли, появились снова.

«Не тормози работу из-за формальностей».

Лида убрала телефон экраном вниз.

Она сфотографировала все вложения, вернула каждое на исходную страницу и опечатала коробку номер семь своей подписью. Копии таблиц положила в личную рабочую папку, оригинал — к рукописи. Ни в электронном каталоге, ни в общем журнале не упомянула Комнату. Только факты: книги, страницы, бумажные метки, возможные владельцы.

На отдельной карточке сформулировала правило для себя:

«Не входить вместо другого. Не предлагать финал. Сначала найти владельца и спросить, хочет ли он вообще возвращаться к книге».

В коридоре хлопнула дверь. Павел пришёл раньше обычного.

Лида слышала его шаги и знала, что через минуту он потребует три позиции для реконструкции, спросит о Сониных коробках и заметит, что морской повести нет на столе. Ей придётся отвечать правдой, из которой аккуратно вынута одна невозможная часть.

Она накрыла синюю закладку листом промокательной бумаги.

Первой в новой таблице после неё стояла Зоя Андреевна.

Лида набрала номер с рецептурного бланка, но не нажала вызов. Ещё не было восьми. Владелицу следовало искать днём, не превращая чужую остановку в ночную срочность только потому, что Лиде хотелось скорее проверить правила.

Шаги Павла приблизились.

Лида закрыла таблицу и открыла каталог общего фонда.

Комнату она сохранит в тайне. Владельцев найдёт по одному. А до Сониной рукописи не дотронется, пока не научится отличать помощь от желания услышать ответ любой ценой.

Глава 4. Центр возвращённых книг

В восемь ноль три Павел поставил на реставрационный стол три пластиковых стаканчика с кофе и лист, напечатанный поперёк серой служебной бумаги.

— В девять общий сбор, — сказал он. — До него хочу закрыть вопрос с материалами для теста.

Лида не взяла свой стаканчик. Рядом с правой ладонью лежала опись коробки номер семь, а под ней — составленная ночью таблица владельцев. Если Павел потянется к бумаге, она не успеет убрать обе.

— Я дала тебе перечень открытого фонда.

— Дала восемьдесят четыре позиции. Подрядчику нужны три.

— Пусть выберет случайно.

— Случайно получается только брак. Мне нужны книги с понятной точкой обрыва, вложением и достаточным объёмом текста до закладки. Твои сестрины коробки для этого подходят лучше всего.

Он произнёс «сестрины» без нажима, почти бережно. Именно поэтому отказ прозвучал бы личным, а не служебным.

Лида придвинула опись к себе.

— Наследственное поступление ещё не принято на баланс. Мы не установили права на рукописи и происхождение вложений.

— Мы не публикуем рукописи. Мы показываем, как работает прототип.

— На чьих остановках?

Павел взглянул на неё внимательнее.

— На книжных.

— Книга не останавливается. Человек останавливается.

— Вот это скажи на сборе. Только короче.

Он положил серый лист поверх описи. Вверху стояло: «Ночь инвентаризации. Порядок открытого учёта и выбытия фонда». Ниже — дата через шесть недель и перечень помещений: зал приёма, карантин, реставрационная, основной склад, машинный архив. В конце мелким шрифтом: «Публичная демонстрация сервиса восстановления завершённого читательского опыта».

— Открытого? — спросила Лида.

— Городская комиссия хочет видеть, за что платит. Посетителей пустим по безопасному маршруту, волонтеров — на сверку карточек. В полночь зафиксируем остаток.

— И спишем всё, что не успели разобрать.

— Всё, что нельзя вернуть в обращение разумной ценой.

— Разумной для кого?

Павел снял крышку со своего кофе. Пар пах жжёным сахаром.

— Для Центра, который в мае могут закрыть. Нам урезали хранение на треть. Если мы покажем, что не консервируем плесень за муниципальные деньги, а возвращаем книги людям, останется хотя бы это здание.

Он обвёл взглядом высокое помещение бывшей наборной. Под потолком ещё тянулись рельсы, по которым когда-то возили тяжёлые формы. Старые окна начинались выше человеческого роста. Утренний свет ложился на стены ровными прямоугольниками, будто типография продолжала размечать страницы вокруг них.

Центр назывался возвращённых не потому, что книги непременно возвращались владельцам. Большинство владельцев исчезали раньше: переезжали, умирали, отказывались от затопленной библиотеки целиком. Возвращали другое — читаемость, имя на обороте фотогра-

фии, порядок разрозненных томов, иногда только право вещи не быть мусором. Лида пришла сюда семь лет назад из мастерской музейной графики именно из-за этого глагола. Он не обещал вечности. Только движение обратно, насколько возможно.

Павел тоже это знал.

— Покажи критерии, — сказала она.

Он кивнул на лист.

Под заголовком шли пять оснований: активное биопоражение; утрата более двадцати процентов текстового блока; отсутствие идентификационных данных; не востребованность свыше трёх лет; стоимость восстановления выше средней стоимости замещения. Достаточно было двух оснований из пяти.

— «Отсутствие идентификационных данных», — прочитала Лида. — Половина частных поступлений без титульных листов. «Не востребованность» — у нас каталог закрыт для посетителей уже одиннадцать месяцев. А стоимость замещения ты с чем сравнил? С новым тиражом? С букинистикой? С нулём, если издание не переиздавалось?

— Поэтому шесть недель, а не списание сегодня.

— Шесть недель на восемь тысяч единиц.

— Семь тысяч четыреста двенадцать. После вчерашней сверки.

— Ты уже считал.

— Я руковожу Центром, Лида. Иногда это состоит из счёта.

Она перевернула лист. На обороте была таблица квот: каждому сотруднику — участок, ежедневная норма решений, число позиций, которые можно отправить на углублённую экспертизу. У Лиды стояло пятьдесят позиций в день и не более шестидесяти отложенных за весь срок.

Коробка номер семь содержала рукопись, шесть книг и вложения. Формально она могла сохранить всё. Но остальные двадцать восемь Сониных коробок уже конкурировали бы с чужими семейными библиотеками за шестьдесят мест.

— Ты выбрал слово «решение», — сказала Лида. — Не «осмотр».

— Осмотр без решения нам больше не оплачивают.

Из коридора донёсся смех подрядчиков. Один из них пытался открыть дверь плечом, не выпуская из рук монитор. Павел посмотрел на часы.

— В девять объявлю всем. В двенадцать тест. Дай мне три позиции до одиннадцати.

— Из открытого фонда.

— Одну выберу сам, если ты не выберешь.

Он забрал два кофе и вышел, оставив третий остывать рядом с серым листом.

Лида дождалась, пока шаги стихнут. Таблицу владельцев она переложила в запирающийся ящик, опись вернула в папку, а коробку номер семь сняла с нижней полки и поставила в металлический шкаф для особо хрупких документов. Ключ повернулся с сухим щелчком.

На шкафу белела старая наклейка: «Материал не готов к выдаче».

Это было правдой. Не всей, но правдой.

В девять сотрудники собрались в бывшем машинном зале. Вдоль стен стояли стеллажи на колёсах, посередине — длинный стол из наборных касс, накрытых стеклом. Под стеклом темнели ячейки для литер. Центр сохранял их как память о типографии, хотя теперь на них ставили кружки, ноутбуки и лотки с карточками.

Майя Руденко, архивистка, пришла с карандашом за ухом и села напротив Лиды. На листе перед ней уже были выписаны номера приказов. Она читала серый документ быстрее остальных: палец двигался вниз по строкам, брови поднимались всё выше.

— Два признака из пяти? — спросила она, не дожидаясь конца объяснений Павла. — Тогда альбом без обложки, который три года нельзя заказать из-за закрытого каталога, автоматически мусор.

— Автоматически ничего не происходит, — ответил Павел. — Решение подтверждает сотрудник участка.

— С нормой пятьдесят в день.

— Норма нужна, чтобы мы не закончили к следующему веку.

— А правообладателей кто ищет?

— Для опубликованных изданий при выбытии это не требуется.

— Я не про опубликованные. У нас двести девятнадцать рукописных единиц и неизвестно сколько вложений.

— Рукописи идут отдельным маршрутом.

Лида увидела, как Павел на мгновение посмотрел в её сторону. Не на лицо — на связку ключей у пояса.

За столом заговорили сразу. Переплётчик Гена спросил, считается ли утрата форзаца частью текстового блока. Библиограф Нина потребовала определить «невостребованность» для книг, карточки которых ещё не перенесли в электронную систему. Две приёмщицы спорили, можно ли считать одинаковыми экземпляры с разными дарственными надписями. Подрядчики сидели у проектора и не записывали ничего.

Павел дал им выговориться, потом включил на стене диаграмму. Красная линия расходов росла, синяя линия выдачи лежала почти ровно.

— Я не предлагаю назвать лишними книги, — сказал он. — Я предлагаю доказать, что Центр умеет принимать решения. Сейчас для комиссии мы помещение, где ветхие вещи ждут дорогого чуда. Через шесть недель мы покажем маршрут каждой единицы: возврат владельцу, восстановление, оцифровка, передача, разбор или выбытие. И покажем новый сервис.

На экране возникло название: «Последняя глава». Под ним — обещание: «Завершите прерванную историю бережно».

Лида почувствовала, как Майя повернулась к ней. Ночью фраза капитана звучала убедительнее любой рекламы: штурман признался, корабль спасён, его простили.

— Название временное, — сказал молодой подрядчик с красной оправой очков. — Пользователь отмечает место остановки и причину из списка. Система предлагает короткий пересказ оставшегося текста либо, при повреждённом и утраченном продолжении, реконструирует наиболее вероятное авторское намерение.

— Авторское намерение нельзя реконструировать голосованием паттернов, — сказала Майя.

— Мы не голосуем. Модель учитывает жанровую структуру, лексику доступного фрагмента и эмоциональный запрос.

— Чей запрос?

— Пользователя.

Лида спросила:

— А если пользователь не владелец остановки?

Подрядчик улыбнулся так, словно вопрос помогал презентации.

— Сервис работает с текущим читателем. В этом и доступность: опыт не зависит от истории конкретного экземпляра.

— Значит, зависит от человека, который первым добрался до формы.

Павел выключил диаграмму, но название сервиса осталось на стене.

— В полдень проверим на трёх материалах, — сказал он. — Один опубликованный роман с утраченными последними тетрадами, одна рукопись с подтверждённым разрешением семьи и одна книга с известной точкой остановки. Результаты не публикуем. Это внутренний тест.

— А в Ночь инвентаризации? — спросила Нина.

— Посетители смогут получить завершающий пересказ для списанных книг.

— До или после решения о списании?

— Одновременно с маршрутизацией.

— То есть сервис поможет им легче согласиться, что книги больше нет, — сказала Лида.

Павел опёрся ладонями о стекло над наборными кассами.

— Да. Иногда человеку нужен не предмет, а то, зачем он к нему пришёл. Мы не сможем восстановить всё. Но можем не оставлять его перед оборванной страницей.

В зале стало тише. Это была сильная формулировка, потому что не была целиком ложной. Гена отвёл глаза. Он месяц склеивал детскую энциклопедию после затопления, хотя от неё осталась половина, и каждый вечер звонил владельцу. Нина хранила за шкафом том стихов без первых сорока страниц, потому что дарственная на последней была адресована женщине, которую она надеялась разыскать. Каждый здесь хоть раз хотел дать человеку замену потере.

— Перед оборванной страницей иногда и есть честное место, — сказала Лида.

— Для реставратора — возможно. Для человека, который пришёл за ответом, — не всегда.

— Тогда спроси человека, хочет ли он ответа.

— Для этого и форма.

— В форме причина выбирается из списка.

Подрядчик в красной оправе поднял ладонь.

— Список настраивается.

— «Скучно», «сложно», «нет времени», «повреждение экземпляра», — прочитала Лида с экрана. — Где «в день чтения умер близкий»? Где «я поссорилась с тем, кто дал мне книгу»? Где «мне не принадлежит право отвечать»?

Последнюю фразу она произнесла слишком быстро.

Павел заметил.

— Ты тестировала форму?

— Я читала материалы подрядчика.

— Там не было последнего варианта.

— Поэтому его и не хватает.

Майя вынула карандаш из-за уха.

— Я внесу в протокол: до теста необходима форма согласия и разделение опубликованного продолжения от машинной реконструкции.

— Внеси, — сказал Павел. — А ещё внеси, что тест состоится сегодня.

Собрание закончилось распределением участков. Люди расходились медленно, перечитывая нормы. Павел задержал Лиду у двери.

— Одиннадцать, — напомнил он. — Три позиции.

— Две уже есть у подрядчика.

— Третья должна быть с вложением. Иначе мы не проверим точку остановки.

— Возьми учебный фонд. Там сохраняли закладки для истории бытования.

— Я велел Гене принести подходящую.

Лида остановилась.

— Какую?

— Сборник фантастических рассказов. Синий ярлык, тридцать седьмая страница. Он был в коробке, которую ты вчера описывала.

На секунду машинный зал стал плоским, как фотография. П. И. — не предлагать краткое.

— Это коробка семь.

— Значит, я правильно запомнил.

— Она в карантине.

— Вчера была на твоём столе.

— После осмотра выявились основания для ограничения выдачи.

— Какие?

— Неустановленное происхождение вложений и возможная связь с исследовательскими материалами Сони.

— Это не карантинные основания.

— Это основания не отдавать книгу подрядчику.

Павел помолчал. Потом убрал из её голоса всё личное так же аккуратно, как Лида утром убрала невозможную часть из правды.

— К одиннадцати подготовь служебную записку. Если Майя подтвердит особый статус, книга останется у тебя до Ночи инвентаризации. Если нет — пойдёт в тест сегодня.

— Ты знаешь эту книгу?

— Теперь знаю, что она подходит.

— Ты когда-нибудь её читал?

Вопрос попал. Не сильно, но точно: Павел моргнул и посмотрел мимо неё, на чёрные ячейки под стеклом.

— Мы обсуждаем фонд, — сказал он.

— На тридцать седьмой странице ты остановился?

— Откуда у тебя эта информация?

Теперь отступать приходилось Лиде.

— На ярлыке инициалы.

— И ты решила, что мои.

— Я спросила.

— Не спрашивай при подрядчиках.

Он ушёл первым.

К одиннадцати Лида составила записку на две страницы. Не написала ни о Комнате, ни о ночных следах, ни о Сониной таблице целиком. Указала, что шесть изданий объединены авторской исследовательской описью, содержат персональные бумажные вложения и требуют установления происхождения до передачи третьим лицам. Отдельно описала рукопись. В конце попросила временно присвоить коробке номер семь статус неделимого архивного комплекса.

Майя прочитала документ стоя у металлического шкафа.

— «Авторская исследовательская опись», — повторила она. — У тебя есть подтверждение, что это исследование?

— Есть таблица Сони и разные владельцы.

— Разные установленные владельцы?

— Один установлен точно. Остальные требуют проверки.

— Кто точный?

Лида посмотрела на закрытый шкаф.

— Я.

Майя не задала следующего вопроса сразу. Она всегда оставляла между фактом и выводом место, в котором собеседник мог поправить себя.

— Тогда твоя книга не доказывает единство комплекса, — сказала она наконец. — Но рукопись и таблица доказывают намеренную подборку. Временный статус я подтверждаю на семь дней. За неделю ты должна установить хотя бы ещё одного владельца или найти Сонино описание проекта. Иначе Павел разделит коробку по типам материалов.

— До Ночи инвентаризации.

— Семь дней.

— Он обещал до Ночи.

— Он обещал, если я подтверждаю особый статус. Я подтверждаю временный. Больше без документов не могу.

Майя подписала записку и протянула её Лиде.

— Что ты не рассказываешь?

- То, что пока не могу подтвердить.
- Это аккуратный ответ.
- Я семь лет чиню бумагу.
- Бумага не обижается, когда от неё скрывают половину причины.

Майя ушла в архив. Лида прикрепила копию записки к шкафу. Семь дней были лучше трёх часов. Для Зои Андреевны — достаточно, если номер сохранился и она согласится говорить. Для пяти остальных — почти ничего.

Без десяти двенадцать подрядчики установили проектор в зале приёма. Павел решил провести тест не в служебной комнате, а у стойки, где обычно разбирали пожертвования. С улицы через стеклянные двери было видно экран. На него уже смотрели двое посетителей, ожидавших оценки книг. «Внутренний» означало только отсутствие объявления.

На столе лежали три материала. Первый — изданный роман без последних тетрадей, второй — копия рукописи местного краеведа с письмом наследника. На месте третьего Павел положил старую повесть в зелёной обложке. Не сборник из коробки семь. Лида выдохнула и сразу рассердилась на себя за облегчение: у зелёной книги тоже был читатель.

— Учебный фонд, — тихо сказал Гена. — Закладку нашли внутри, владельца нет. Подходит по всем условиям.

— По чьим условиям?

Он развёл руками.

Подрядчик вывел форму на экран. Для первой книги указал страницу обрыва, выбрал «повреждение экземпляра», добавил жанр и нажал кнопку. Несколько секунд по стене ползла полоса загрузки. Затем появился гладкий абзац: герой находил похищенное письмо, возвращался домой и понимал, что главным сокровищем было доверие друзей.

- В книге не было друзей, — сказала Нина.
- Модель достраивает функцию второстепенных персонажей, — ответил подрядчик.
- Там был один сосед, и он до страницы сто двадцать украл у героя сапоги.
- Тогда на следующей итерации добавим больший контекст.

Посетитель у двери усмехнулся. Павел попросил продолжать.

Во второй рукописи система выдала осторожное завершение краеведческого очерка: площадь менялась, но сохраняла память поколений. Майя спросила, где в доступном тексте поколения. Подрядчик увеличил параметр «эмоциональная завершённость» и получил памятный камень, которого никогда не существовало.

- Это можно убрать настройкой достоверности, — сказал он.
- Можно убрать словом «выдумка», — ответила Майя.

Павел стоял сбоку от экрана, скрестив руки. Он не защищал отдельные фразы. Смотрел на людей: кто смеётся, кто слушает, кто уже достал телефон. Для комиссии важнее была не точность первого теста, а способность Центра вызвать интерес.

Зелёную книгу положили на сканирующую подставку последней. Из неё вынули картонную закладку с изображением старого городского моста. На обороте шариковой ручкой было написано: «Не хочу знать, открыл ли он дверь».

Лида подошла ближе.

- Это нужно снять с демонстрации.
- Почему? — спросил Павел.
- Здесь прямо выражена воля читателя.
- Незнающего читателя неизвестной давности.
- От этого фраза не исчезает.
- Мы не меняем книгу.
- Вы отвечаете на вопрос, который человек отказался задавать.

Подрядчик уже вводил страницу. В поле причины выбрал «эмоциональный дискомфорт».

— Такой причины на закладке нет, — сказала Лида.

— Ближайшая категория.

— Ближайшая — не его.

— Останови тест, — сказала Майя Павлу.

Павел посмотрел на стеклянные двери. За ними задержалась женщина с детской коляской. Экран светился на весь зал.

— Результат пометим как неприемлемый, — решил он. — Но получим.

Кнопка стала синей.

Лида могла выдернуть кабель. Представила, как проектор гаснет, посетители оборачиваются, Павел отстраняет её до комиссии. Тогда коробку семь откроют без неё. Она останется права и потеряет возможность защитить хоть что-нибудь.

Подрядчик нажал.

Сначала ничего не произошло. Полоса дошла до конца и исчезла. Экран мигнул, будто сменил разрешение.

За стойкой приёма проступил дверной проём.

Он был узким и слишком высоким для этой стены. Кирпичная кладка не треснула; просто часть её стала глубже. Внутри глубины темнел коридор, оклеенный зелёными обоями. На дальней стене виднелась закрытая белая дверь.

Лида услышала, как кто-то продолжает говорить, но слова потеряли смысл. Проём не дрожал, не собирался из тумана, как вход в морскую повесть. Он стоял уверенно. Свет из окон пересекал порог и ложился внутрь на пол.

На экране появился текст: человек всё-таки открывал дверь и находил комнату, которую семья скрывала от него много лет. Там его ждало письмо с объяснением, после которого он прощал отца.

— Уже лучше, — сказал Павел. — Есть конкретное действие.

Он не видел проёма.

Лида перевела взгляд на остальных. Нина читала с экрана. Гена вертел в пальцах отвёртку. Майя смотрела на Павла. Никто не замечал, что у стены стало на одну дверь больше.

Из зелёного коридора донёсся звук ручки. Белая дверь приоткрылась на ширину пальца.

Лида шагнула к подставке и сняла картонную закладку.

— Не трогай материал во время обработки, — сказал подрядчик.

Проём остался.

Она закрыла зелёную книгу.

Коридор не исчез.

— Тест закончен, — сказала Лида.

На экране ещё светился выдуманный отец, которого простили. Павел подошёл к ней.

— Положи книгу.

— Результат получен. И он нарушает единственное прямое указание, которое у нас было.

— Мы пометим это.

— В каталоге?

Подрядчик повернул ноутбук. В служебной карточке книги уже появилось новое поле: «Завершение доступно». Рядом стоял значок открытой двери.

Лида посмотрела за стойку. Узкий проём в кирпиче совпадал со значком до нелепости точно.

— Уберите поле, — сказала она.

— Это тестовая карточка, — ответил человек в красной оправе.

— Уберите сейчас.

Павел взял у неё книгу. Не вырывал — просто ждал, пока она разожмёт пальцы. При людях борьба за старую зелёную повесть выглядела бы истерикой. Лида отпустила.

— Тест показал ошибку согласия, — сказал Павел достаточно громко для всех. — До публичного запуска добавим запрет на реконструкцию при явном отказе читателя. Это полезный результат.

— А уже созданный пересказ?

— Удалим после анализа журнала.

В зелёном коридоре белая дверь открылась ещё немного. За ней не было видно комнаты, только тёплая полоса света и край чьей-то руки на дверной ручке.

— Сейчас, — повторила Лида.

Павел понизил голос:

— Ты добилаась недели для Сониных материалов. Не превращай её в час.

Он вернул книгу на подставку и попросил подрядчика сохранить сессию.

Лида отступила. Она поняла сразу две вещи. Первая была хуже: выдуманный финал создал устойчивый вход, который не исчез ни без закладки, ни после закрытия книги. Вторая — проём находился не в книге. Он стоял в служебном пространстве, привязанный к карточке каталога и сохранённой сессии.

Если таких карточек станет семь тысяч, Центру не понадобится Ночь инвентаризации, чтобы перестать быть зданием.

Павел завершил показ короткой речью о доработке критериев. Посетителям предложили кофе. Женщина с коляской спросила, когда сервис станет доступен на сайте. Подрядчик ответил: через шесть недель.

Лида дождалась, пока все отойдут от подставки, и открыла служебный каталог на своём планшете. В карточке зелёной книги значок двери был активен. Она нажала «скрыть поле». Система потребовала права администратора.

За стойкой коридор оставался на месте.

Тогда Лида открыла поиск. У первого повреждённого романа возле номера тоже стояла дверь. У краеведческой рукописи — ещё одна. Она подняла голову.

В противоположной стене, между пожарным шкафом и расписанием дежурств, темнел низкий каменный вход. Чуть дальше стекло архивной двери отражало лестницу, которой в зале не было.

Три теста. Три проёма.

Первый мог принадлежать опубликованному тексту, который существовал снаружи и был утрачен только в экземпляре. Второй вырос из общего места о памяти поколений. Третий — из прямого нарушения отказа. Лида не знала, одинаково ли они опасны. Но устойчивым выглядел каждый.

Она сфотографировала стены. На экране телефона были только кирпич, пожарный шкаф и стекло.

— Ты сегодня странная, — сказал Гена за спиной.

Лида опустила телефон.

— Три часа сна.

— Тогда тебе домой надо, а не стены снимать.

— Сколько книг уже загрузили в тестовый каталог?

— Эти три.

— Точно?

— Подрядчики вчера пакет прогоняли. Без генерации, кажется. Павел знает.

Она нашла раздел журнала. Права на просмотр у реставратора были. Строк оказалось сто двадцать восемь. У девятнадцати статус значился «завершение рассчитано», хотя публично тестировали только три.

Лида медленно обернулась.

Теперь, зная, что искать, она увидела двери по всему Центру. Тонкая щель между стеллажами вела не к стене, а в комнату с голубым потолком. В конце коридора вместо шкафа мерцала веранда. Под лестницей появился округлый лаз, заложённый книгами. Некоторые проёмы были едва намечены, как карандашные линии. Три стояли открыто.

— Кто запускал пакет? — спросила она.

— Ночью сервер считал. Павел дал обезличенные сканы из фонда.

— С закладками?

— Где были.

Гена ушёл за тележкой. Лида закрыла журнал и почувствовала под пальцами влажный холод планшета, хотя корпус был сухим.

Ей хотелось найти Павла, заставить его остановить расчёты, показать ему девятнадцать дверей. Но показать она не могла. Фотографии не фиксировали их. Любое объяснение потребовало бы морской повести, кремовой закладки и коробки номер семь. Павел услышал бы не предупреждение, а описание работающего механизма.

Она вернулась в реставрационную и заперла дверь. Металлический шкаф стоял нетронутым. На прикреплённой записке под подписью Майи Павел добавил: «Отсрочка до 17 февраля, 18:00. Далее — повторная оценка».

Не семь полных дней. Шесть суток и несколько часов.

Лида достала таблицу владельцев. Телефон Зои Андреевны на рецептурном бланке начинался с городского кода Стрежня. Рядом Соня приписала время: «после 14, не в среду».

Сегодня был четверг. На часах — двенадцать сорок семь.

До двух Лида проверила номер по открытой части старой базы обращений. Зоя Андреевна Коваль приносила в Центр книги четыре года назад после аварии отопления. В карточке стоял запрет на передачу контакта третьим лицам, но разрешение на связь сотрудников по вопросам поступления. Последнее обращение — одиннадцать месяцев назад. Статус телефона не подтверждён.

Лида подготовила нейтральную фразу: представиться, назвать Центр и книгу, спросить, удобно ли говорить. Не упоминать Соню до подтверждения личности. Не упоминать Комнату по телефону. Не обещать возврат, пока не проверены документы.

В четырнадцать ноль одну она набрала номер.

Длинные гудки шли один за другим. За запертой дверью реставрационной кто-то провёз тележку. Колёса на стыке плит ударили семь раз.

На шестом гудке ответили.

— Да?

Голос был женский, пожилой, настороженный.

— Зоя Андреевна? Меня зовут Лидия Воронцова, я реставратор Центра возвращённых книг. Вы передавали нам семейный роман «Дом на северной стороне» после аварии отопления. Вам удобно сейчас говорить?

В трубке стало тихо. Не пусто: Лида слышала дыхание и далёкое постукивание ложки о чашку.

— Про книгу? — переспросила женщина.

— Да. В ней сохранилась ваша закладка и номер. Нам нужно уточнить происхождение экземпляра и ваше решение о нём.

— Соня обещала, что никто не заставит меня дочитывать.

Лида закрыла глаза.

За стеной Центра одна из устойчивых дверей хлопнула. Звук прошёл по трубам, хотя сквозняка не было.

— Не заставит, — сказала она. — Именно поэтому я звоню.

— Тогда приезжайте завтра. Я не хожу далеко после льда. И книгу привезите.

— Сначала я должна объяснить, что с ней происходит.

— Объясните здесь. Соня тоже объясняла здесь.

Зоя продиктовала адрес в старом районе у трамвайного кольца и повторила номер квартиры. Лида записала, сверила, не добавляя ничего от себя.

— В три часа, — сказала женщина. — Не раньше. Утром у меня муж дома.

Фраза прозвучала буднично. По таблице Сони семейный роман был остановлен после смерти мужа.

Лида не переспросила.

— Завтра в три.

— И молодого человека не берите.

— Какого?

— Который стоит в дверях, когда книга открыта.

Связь оборвалась.

Лида ещё несколько секунд держала телефон у уха. Потом открыла шкаф и положила рядом с книгой Зои чистый конверт для рецептурной закладки, хлопчатобумажную ленту и форму временной выдачи. На сером листе с критериями списания написала: «Выезд к владельцу, пятница, 15:00».

В коридоре снова хлопнула дверь, которой утром там не было.

До повторной оценки коробки номер семь оставалось шесть суток. До разговора с Зоей — двадцать четыре часа. Впервые после смерти Сони Лида торопилась не за ответом умершей, а к живому человеку, который уже однажды попросил оставить его историю незаконченной.

Глава 5. Чужая закладка

Книгу Зои Андреевны нельзя было просто положить в сумку.

За четыре года после аварии отопления её серо-коричневый переплёт высох волнами, корешок выгнулся, а нижние углы страниц слиплись в плотные веера. Лида отделила безопасный для перевозки блок, проложила обложку тонкой бумагой и закрепила хлопчатобумажной лентой. Рецептурный бланк лежал отдельно в прозрачном конверте. Синие чернила расплылись вокруг фамилии врача, но Сонин номер и слова «Зоя Андреевна» сохранились.

На обороте, которого Лида раньше не рассматривала под увеличением, проступала ещё одна запись: «Не уносить дом».

Почерк был не Сонин. Буквы стояли тесно, вертикально, будто писавшая экономила не бумагу, а право на каждое слово.

Лида внесла фразу в описание вложения и остановилась перед графой «состояние комплектности». Семейный роман назывался «Дом на северной стороне». На странице шестьдесят три глава обрывалась не физически: текст продолжался, листы были на месте. Закладка лежала перед сценой возвращения взрослого сына в родительский дом. Никакой комнаты в доступном фрагменте ещё не упоминалось.

Из коридора донёсся скрип.

За дверью реставрационной не было никого, но справа от пожарного шкафа сохранялся узкий проём с зелёными обоями. За ночь он стал глубже. Белая дверь в конце коридора закрылась, зато у порога появился коврик с вытертой буквой «Д».

Лида отвела взгляд.

В журнале подрядчика новые расчёты не появлялись. Девятнадцать карточек оставались активными, и Павел запретил удалять результаты до совещания с разработчиками. Он назвал это сохранением данных эксперимента. Лида — про себя — хранила открытые двери.

До встречи с Зоей оставалось четыре часа. Она могла отвезти книгу сейчас, не проверяя ничего. Так было бы правильно по сформулированному ею самой правилу: сначала найти владельца и спросить. Но Зоя уже знала о молодом человеке в дверях. Если прошлый вход оставил след, Лида не имела права привезти его в чужую квартиру вместе с книгой.

Она положила рецептурную закладку на страницу шестьдесят три.

Бумага была прохладной. Ничего не произошло.

В прошлые разы Комната открывалась после полуночи. Сейчас было одиннадцать. Проверка могла подождать до ночи, но встреча назначена на три. Лида нашла в описи фотографию, сделанную Соней четыре года назад: книга раскрыта на той же странице, бланк выступает сверху на два сантиметра. На заднем плане — клетчатая скатерть и край фарфоровой сахарницы. Видимо, Соня описывала книгу у Зои дома.

Под снимком стояло: «Владелица просит сохранить положение метки. Не проверять чтением».

Лида убрала закладку в конверт.

Попытка даже не была попыткой войти, сказала она себе. Только проверкой реакции материала. Однако в журнале осмотра написала честнее: «Вложение кратковременно возвращено на исходное место без перелистывания текста. Изменений не выявлено».

В два часа она оформила выезд. Майя подписала временную выдачу, сверила адрес и спросила:

— Павел знает?

— В календаре стоит встреча с владелицей.

— Это не ответ.

— Он дал мне срок установить владельца. Я устанавливаю.

Майя поставила вторую подпись.

— Вернись до закрытия.

— Зоя просила в три. Успею.

— Я не про книгу.

Лида подняла глаза.

— Если человек говорит об умершем как о живом, не спорь и не соглашайся, — сказала Майя. — Выясни, кого она имеет в виду. И не превращай архивный вопрос в медицинский.

— Я не собиралась.

— Ты собиралась найти подтверждение для коробки. Когда спешишь, люди у тебя иногда становятся доказательствами.

Лида хотела возразить, но вспомнила звонок: по словам Зои она слышала не голос пожилой женщины, а тиканье срока до повторной оценки.

— Я привезу книгу и спрошу, чего хочет она.

— Вот это уже ответ.

Старый район Стрежня начинался за трамвайным кольцом. В феврале рельсы там выступали из серого снега, как швы на плохо сросшейся ране. Лида проехала конечную и пошла вдоль домов, построенных для работников речного порта: два этажа, высокие крыльца, палисадники под ледяной коркой. Нужный дом стоял северной стеной к пустырю. Ветер облепил штукатурку снегом до середины окон.

На звонок никто не ответил. Лида позвонила ещё раз, затем услышала за дверью медленные шаги.

— Кто?

— Лидия из Центра. Мы говорили вчера.

Щёлкнули два замка. Зоя Андреевна открыла, не снимая цепочки. Ей было за семьдесят; седые волосы собраны на затылке чёрной сеткой, на плечах — мужской шерстяной жилет поверх синего платья.

— Книгу покажите.

Лида подняла упаковку так, чтобы была видна карточка.

Цепочка звякнула. Зоя впустила её и сразу заперла дверь.

В прихожей стояли две пары домашних тапок: маленькие войлочные и большие кожаные, продавленные по форме ступни. На вешалке висело тяжёлое мужское пальто с засохшей дорожной солью на подоле. Не музейная сохранность: соль была свежей или хорошо притворялась свежей.

— Разувайтесь. И на сквозняке её не держите.

— Книга защищена.

— От воды защищена, от людей — не знаю.

Зоя провела Лиду на кухню. Та самая клетчатая скатерть с Сониной фотографии покрывала стол. Сахарница стояла у окна, только на крышке теперь была трещина. Вторую чашку уже наполнили чаем.

— Вы помните Софью Воронцову? — спросила Лида, когда книга оказалась на сухой свободной половине стола.

— Соню. Конечно. Она не называла себя Софьей.

— Я её сестра.

Зоя посмотрела не на лицо Лиды, а на руки.

— Похожи, когда держите бумагу. Она тоже сначала освобождала место, потом садилась.

Лида сдвинула чашку подальше от книги.

— Соня записала ваш номер и просьбу сохранить закладку. Я хочу уточнить, принадлежит ли вам книга и что вы хотите с ней сделать.

— Уже хотите списывать?

— Через шесть недель будет инвентаризация. Но решение о вашем экземпляре я не хочу принимать без вас.

— А после меня примете?

— Если вы передали его Центру, нам нужно определить маршрут. Можно вернуть книгу вам, сохранить как часть комплекса, восстановить, передать дальше — только после согласования вложений. Списание сейчас не предлагаю.

— Говорите длинно, когда боитесь.

Зоя развязала ленту прежде, чем Лида успела остановить её. Пальцы у неё дрожали, но узел она распустила без рывка.

— Осторожно, нижний край хрупкий.

— Я эту книгу сорок лет осторожно держала.

— Четыре года она была у нас.

— Потому и держала осторожно до вас.

Она коснулась обложки двумя пальцами и не открыла.

— «Дом на северной стороне», — сказала Зоя. — Подарил Костя, когда мы въехали сюда. Думал, смешно: дом в книге, дом у нас. Он всегда покупал то, что совпадало названием.

— Костя — ваш муж?

— А чей же.

— Вчера вы сказали, что утром он дома.

— И сегодня дома.

Зоя кивнула на стену. За ней находилась комната. Дверь в неё была закрыта.

Лида вспомнила Майины слова.

— Мне нужно понять, с кем вы живёте сейчас, чтобы правильно оформить возврат.

— Оформляйте на меня. Костя документы терпеть не мог и при жизни.

При жизни. Лида не повторила эти слова.

— Соня записала, что вы остановились на шестьдесят третьей странице.

— Я ей сама сказала.

— Почему вы отдали книгу в Центр?

— Трубу прорвало. В спальне до щиколотки, в большой комнате по плинтус. Сосед сверху вернулся через три дня. Ваши приехали выбирать, что можно сушить. Соня книгу увидела, закладку вынула, потом положила обратно. Спросила, дочитала ли я. Не спросила, понравилось ли. Это важно.

— Почему?

— Когда спрашивают, понравилось ли, уже приготовили своё мнение. А она ждала.

Зоя открыла обложку и перелистнула несколько страниц, поддерживая блок ладонью. На полях были короткие карандашные чёрточки. Возле имени отца — две, возле описания северной комнаты — три.

— Она сказала вам о человеке в дверях?

— Нет. Я сказала ей.

— Вы его видели здесь?

— Один раз. В ту ночь, когда решила не читать дальше.

Лида достала рабочий блокнот, но не открыла.

— Можно я запишу?

— Сначала решите, слушаете вы меня или составляете бумагу для начальника.

— Слушаю.

Зоя нашла страницу шестьдесят три без закладки. Помнила место. В романе сын входил в родительский дом после двадцати лет отсутствия. Мать проводила его по знакомым комнатам, но последнюю, северную, держала запертой. На странице был только вопрос: «Ты всё ещё хранишь там его вещи?» Ответ начинался после переворота.

Зоя не перевернула.

— Костя умер в январе, — сказала она. — Я читала эту книгу в феврале. Думала, дома останутся комнаты, и этого хватит. А потом сын спросил про вещи. Я поняла, что сейчас автор решит за меня: надо ли открыть, вынести, простить, выбросить. Любой ответ был бы чужой. Я положила рецепт и закрыла.

— А молодой человек?

— Стоял в той двери.

Она указала на закрытую комнату за стеной.

— Как выглядел?

— По-разному. Сначала как сын из книги. Потом как Костя в молодости. Но не Костя. Я не настолько старая, чтобы не различать мужа и удобство.

Последнее слово прозвучало так резко, что Лида вспомнила ложную гавань. Сначала станет легче.

— Вы входили?

— До порога. Там дом был не наш. Такой, каким я его воображала по первым главам: лестница, хотя в книге не сказано, что она есть; синие стены, потому что у меня в детстве были синие. Молодой человек спросил, зачем остановилась. Я ответила: устала. Он сказал, это не причина. Я рассердилась и вернулась.

— Как?

— Открыла глаза на кухне. Книга лежала здесь. Костина чашка была разбита.

Зоя коснулась треснувшей сахарницы, словно ошибка предмета могла перейти на неё.

— Соня пришла через неделю. Я рассказала. Она не поверила сразу. Это мне понравилось. Проверила окно, влажность, лекарства, спросила, спала ли я. Потом сидела до полуночи, но дверь не появилась.

— Она брала вашу закладку?

— Попросила разрешения. Держала, клала в книгу. Ничего. Тогда сказала: дверь моя, не её.

Лида почувствовала стыд за вчерашнее прикосновение к рецептурному бланку. Зоя увидела это раньше, чем она решила признаться.

— Вы тоже пробовали?

— Сегодня утром. В Центре. Вернула закладку на страницу и сразу убрала. Ничего не произошло.

— Разрешения не спросили.

— Нет.

— Почему?

— Хотела убедиться, что не привезу сюда опасность.

— И решили, что для моей безопасности можно взять мою дверь без спроса.

— Да.

Оправдание лежало готовое: книга была в фонде, вложение описывал реставратор, материального ущерба не возникло. Лида не произнесла ни одного пункта.

— Простите.

Зоя закрыла книгу.

— Соня тоже один раз решила за меня. Принесла распечатанный конец.

— Какой конец?

— Настоящий. Нашла другое издание и скопировала недостающие страницы, хотя у моего все страницы на месте. Сказала: если захочу, смогу дочитать, не трогая повреждённую книгу. Я попросила убрать. Она обиделась. На следующий день вернулась и спросила, можно ли просто записать мой отказ. Вот тогда мы и начали разговаривать.

Лида представила Соню за этим столом: быструю, уверенную, с решением в папке. Обиду она знала. Возвращение на следующий день — почти нет.

— «Не уносить дом» написали вы?

— Я. Чтобы она не взяла книгу в ваш Центр как образец раньше времени.

— Но потом отдали.

— После воды. Не дом отдала, а мокрую вещь. Соня обещала, что решение останется моим.

— Она говорила о проекте? О других людях?

Зоя усмехнулась.

— Вот и бумага для начальника.

— Коробку с вашей книгой разделят через шесть дней, если я не докажу, что это единая подборка. Там шесть остановок и Сонина рукопись. Я пытаюсь сохранить их до выяснения.

— Сохранить для чего?

Лида не смогла ответить сразу. Для выставки — предположение. Для поиска послания — прежняя ложь. Для защиты Комнат — знание, которого Зоя не давала права использовать.

— Чтобы не принять необратимое решение до того, как спрошу всех, — сказала она.

Зоя кивнула, но не как человек, которого убедили. Как человек, услышавший допустимое начало.

— Соня называла это «остановками». Хотела собрать шесть разных причин. Сказала, если поставить рядом, никто не сможет объявить одну правильной.

— Она просила вас участвовать в выставке?

— Просила подумать. Я не согласилась и не отказалась.

— Значит, решения не было.

— Было. Решение подумать.

За стеной негромко стукнуло. Зоя повернула голову к закрытой двери.

— Костя, чай на кухне, — сказала она.

Никто не ответил.

— Вы говорите ему это каждый день? — спросила Лида.

— Когда он ходит.

— Кто ходит за дверью?

— Не знаю.

Впервые в голосе Зои появилось не раздражение, а усталость.

— После того как Соня перестала приходить, дверь иногда оставалась. Я не открывала. Потом пропала. А вчера вернулась. Костя начал ходить утром.

— Вчера в Центре запустили сервис, который придумал финалы нескольким книгам.

— Моей?

— В журнале девятнадцать материалов. Я ещё не сверила все номера. Вашу книгу мы не сканировали — она была заперта у меня.

— Значит, не моей.

— Комнаты могут быть связаны не только с экземпляром. Я пока не понимаю как.

— Комнаты?

Лида рассказала ровно столько, сколько могла подтвердить сама: о своей морской повести, кремовой закладке, неполном причале и безымянном проводнике; о трёх выборах; о том, как ложное прощение капитана сделало гавань плотнее; о дверных проёмах после машинных реконструкций. Не упомянула Сонин голос подробно. Сказала лишь, что Комната использовала ожидание о сестре. Не назвала это посланием.

Зоя слушала, сложив руки на книге.

— Вы закрыли свою? — спросила она.

— Да.

— И стало легче?

— Нет. Стало моё.

Зоя посмотрела на дверь комнаты.

— Это похоже на правду.

Она встала. Лида тоже поднялась.

— Не ходите туда одна.

— Вы пришли решать за меня или нет?

— Нет. Но если за дверью кто-то выглядит как ваш муж, это может быть ожидание, а не он.

— Я уже сказала, что различаю.

Зоя прошла в коридор и взялась за ручку. Лида не удерживала её. Только встала так, чтобы видеть комнату.

За дверью оказалась обычная спальня. Кровать была аккуратно застелена, на подушке лежала мужская пижама. У окна стояло кресло, на спинке — газета четырёхлетней давности. Большие кожаные тапки отсутствовали.

На противоположной стене находилась ещё одна дверь.

Она не могла там находиться: за стеной был пустырь. Узкая, белая, с круглой латунной ручкой — такая же, какую Лида видела в зелёном коридоре Центра.

У порога стояли кожаные тапки. Носки были обращены к двери, будто невидимый человек только что из них вышел.

— Вчера её не было до звонка, — сказала Зоя. — Появилась, когда вы назвали книгу.

Лида достала телефон, сделала снимок. На экране была голая стена и тапки, стоящие носками к плинтусу.

— Соня тоже фотографировала, — сказала Зоя. — Потом перестала доказывать аппарату.

Белая ручка повернулась.

Лида ждала, что дверь откроется. Вместо этого за ней раздались три осторожных удара.

— Костя всегда стучал три раза, — сказала Зоя.

— Комната знает то, чего вы ждали от книги. И то, что вы принесли с собой.

— А что в ней было прочитано?

— Возвращение сына. Запертая комната. Вещи умершего.

— Достаточно.

Зоя шагнула ближе.

— Вы можете открыть её сейчас, — сказала Лида. — Я не могу запретить. Но у нас нет бумажной закладки, и сейчас не полночь. Это может быть не ваша прежняя Комната, а устойчивая дверь из чужого финала.

— Вы не знаете.

— Не знаю.

Три удара повторились. Потом мужской голос произнёс из-за двери:

— Зоенька, тут холодно.

Зоя побелела. Ладонь её поднялась к ручке, но остановилась в нескольких сантиметрах.

— Он никогда не звал меня Зоенькой, — сказала она. — Терпеть не мог уменьшительные.

Голос повторил мягче:

— Зоя Андреевна.

Комната исправлялась на ходу.

Зоя отступила и закрыла настоящую дверь спальни. Белая осталась внутри, отрезанная деревом и стеной.

На кухне она налила остывший чай в раковину. Вторую чашку тоже опустошила.

— Вот почему утром муж дома, — сказала она. — Не потому, что я забыла дату. Потому что если назвать его Костей, дверь становится тише. Я думала, это безопаснее, чем открыть.

— Вы никому не обязаны объяснять это как болезнь или как чудо.

— А вы никому не обязаны делать вид, что понимаете.

— Не обязана.

— Хорошо.

Зоя села и придвинула к себе книгу.

— Я хочу войти правильно.

— Чтобы дочитать?

— Не знаю. Чтобы выбрать самой.

— Тогда нужна ваша закладка, книга и полночь. Войти сможете только вы.

— А молодой человек?

— Он может быть там. Может не быть. Он сказал, что остаётся, где нужен край.

— Вы пойдёте со мной?

Лида вспомнила правило: войти можно лишь конкретному читателю. Во время первой ночи проводник коснулся её запястья и удержал у воды. Но чужую дверь она не могла перейти, даже с разрешением — так утверждал он. Сопровождение не означало идти рядом внутри.

— Я буду у книги снаружи. Подготовлю комнату, запись времени, безопасное место. Но пройти вместо вас или вместе с вами не смогу.

— Не сможете или не хотите?

— Проверим без риска: до полуночи вы сами положите закладку, сами откроете книгу. Я не буду касаться вложения. Если дверь появится, первой подойдёте вы.

— А если тот, за дверью, снова заговорит Костиным голосом?

— Спросите себя, было ли это в прочитанном тексте или вы ждали этого. И помните: проводник не знает ненаписанных строк и не говорит от умерших.

— Соня так не формулировала.

— Она не успела мне объяснить.

Зоя провела пальцем по хлопчатобумажной ленте.

— Завтра после полуночи?

— Центр закрывается для посетителей в восемь. Я могу оформить вас как участницу идентификации фонда. Но Павел должен разрешить присутствие.

— Не говорите ему про дверь.

— Не скажу. Скажу, что владелица подтверждает происхождение и хочет лично определить маршрут книги.

— Это правда?

— Вся необходимая.

— Осторожнее с необходимой правдой. Соня тоже её любила.

Они составили короткое заявление. Зоя собственноручно написала: «Подтверждаю, что экземпляр романа „Дом на северной стороне“ и бумажная закладка принадлежат мне. Прошу не читать, не реконструировать и не определять завершение текста от моего имени. Прошу предоставить возможность лично принять решение о возврате или сохранении книги 13 февраля с 23:30 до 00:30 в присутствии реставратора Лидии Воронцовой».

Лида перечитала и спросила:

— Почему тринадцатого? Сегодня двенадцатое.

— После полуночи будет тринадцатое. В бумагах время должно быть честным.

Она подписала полным именем: Зоя Андреевна Коваль.

— Книгу сегодня оставите? — спросила Лида.

Зоя посмотрела на спальню.

Оттуда больше не стучали.

- Забирайте. Но закладку я понесу сама завтра.
- Для сохранности лучше в конверте вместе с книгой.
- Для сохранности чего?

Лида не стала спорить. Она оформила отдельное временное хранение: книга возвращается в Центр, вложение остаётся у владелицы до личного визита. Зоя убрала рецептурный бланк в нагрудный карман мужского жилета.

- Вот теперь чужая закладка у вас не окажется случайно под рукой, — сказала она.

Перед уходом Лида спросила:

— Вы сказали по телефону не брать молодого человека. Если он не выходил из Комнаты, почему решили, что я могу его привести?

- Потому что Соня однажды пришла не одна.

- С кем?

— Она его не видела. А я видела за её плечом. Тогда у него было лицо человека из моей книги и порез на щеке. Он стоял на лестнице, пока Соня записывала мои слова.

Порез исчез после того, как Лида закрыла морскую повесть. Значит, Зоя видела проводника до Сониной смерти — и раньше Лидино первого входа.

- Он говорил с вами?

— Сказал: «Не всякий дом нужно уносить». Я потом записала короче. Думала, это сон. Соня спросила, что я услышала, и очень испугалась.

- Она объяснила почему?

- Нет. На следующий день принесла список вопросов для других читателей.

Лида закрепила упаковку и взяла книгу обеими руками.

— Завтра в одиннадцать я позвоню и подтверждаю разрешение. Машина приедет за вами в половине одиннадцатого вечера. Обратно отвезём после часа.

- Если я выйду.

- Вы выйдете, когда назовёте свою причину и примете своё решение.

- Уверенно говорите.

- Мне это сказали внутри. Я проверила только на себе.

- Тогда говорите именно так.

- Хорошо. На себе это сработало.

Зоя открыла входную дверь. В прихожей осталась одна пара тапок — маленькая войлочная. Мужское пальто всё ещё висело на крючке, но дорожная соль на подоле оказалась не свежей: под ней собралась старая пыль.

На улице уже темнело. Лида дошла до трамвайного кольца, держа книгу под курткой от мелкого снега. Она не получила объяснения Сониной рукописи, не узнала, кто остальные владельцы, и не закрыла ни одной устойчивой двери в Центре. Зато в папке лежало заявление, которое нельзя было свести к инициалу или каталожному полю.

Зоя не просила её закончить роман. Не просила вернуть мужа. Просила присутствовать при выборе, который останется за ней.

В вагоне Лида проверила служебный журнал. У карточки «Дома на северной стороне» не было значка реконструкции. Но рядом с девятнадцатью расчётами появились отметки синхронизации: подрядчик готовил их к общей демонстрационной базе.

Она написала Павлу: «Владелица книги из коробки №7 установлена, заявление подписано. Просит личную идентификацию и решение о маршруте в Центре 13 февраля, 23:30–00:30. Нужен допуск».

Ответ пришёл до следующей остановки:

«Допуск дам. В полночь покажем ей сервис — получим реальную обратную связь».

Лида набрала: «В заявлении прямой запрет на реконструкцию и чтение от её имени».

Три точки держались долго.

«Тогда покажем форму без запуска. Мне тоже присутствовать?»

Она посмотрела на отражение в окне. За её плечом стояли пассажиры, поручни, снежная улица. Никакого составного лица.

«Нет. Владелица просит присутствие только реставратора. Майя оформит протокол».

Павел ответил одним словом:

«Обсудим».

Трамвай повернул к бывшей типографии. В верхних окнах Центра горел свет, хотя смена заканчивалась. Между двумя окнами темнел высокий прямоугольник. Издалека он был похож на открытую дверь в ночном небе.

Лида прижала упаковку крепче.

Завтра в половине двенадцатого Зоя войдёт в Центр со своей закладкой. В полночь откроет книгу сама. Лида останется снаружи — и впервые должна будет помочь, не перехватив ни дверь, ни причину, ни решение.

Глава 6. Дом без последней комнаты

В половине двенадцатого ночи Зоя Андреевна вошла в Центр возвращённых книг с полотняной сумкой, которую держала обеими руками, будто внутри лежало что-то жидкое и легко расплёскивалось.

Снег на её берете уже таял. На плечах пальто темнели капли. Лида хотела помочь снять его, но Зоя сначала оглянулась на стеклянные двери, за которыми остались служебная машина и пустая улица, и только потом выпустила сумку из рук.

— Закладка здесь, — сказала она. — Не потерялась. Не перепуталась. Никто её не трогал.

— Книга в реставрационной.

— А начальник?

Вопрос прозвучал раньше приветствия. Лида показала на выключенный экран турникета.

— Павел ещё в здании. Я просила его не приходить.

— Это не ответ.

— Он обещал не входить без приглашения.

— Это тоже.

Зоя сняла берет, провела ладонью по седым волосам и посмотрела на Лиду так же, как вчера смотрела на заявление: проверяя не добрые намерения, а точность формулировки.

— Он может прийти, — признала Лида. — Я не могу запереть руководителя Центра снаружи. Но вашу книгу, закладку и заявление контролирую я. Без вашего согласия сервис не запустят.

— А дверь?

— Её контролировать не умеет никто.

— Вот теперь ответ.

Они прошли через читальный зал. Ночные лампы горели только над проходами, и длинные столы казались плотами в чёрной воде. После дневного теста подрядчики оставили у стены стойку с экраном и рулон кабеля. На экране медленно двигалась заставка: линия складывалась в раскрытую книгу, затем в дверной проём. Лида выдернула вилку из розетки. Заставка погасла не сразу; белая дверь ещё секунду держалась на чёрном стекле.

Зоя заметила.

— Это их знак?

— Просто оформление сервиса.

— Просто дверь.

Лида подняла кабель и положила его на стойку. В дальнем конце зала, между каталогом и окном, стоял настоящий — или уже не настоящий — прямоугольник из светлой штукатурки. Днём там была глухая стена. Теперь по ней проходила тонкая вертикальная щель, слишком ровная для трещины. Оттуда тянуло тёплой пылью.

Зоя остановилась.

— Не моя, — сказала она.

— Почему вы уверены?

— У моей круглая ручка. И холод с пола.

Щель расширилась на толщину волоса. Где-то за стеной перелистнули страницу.

Лида повела Зою другим проходом. В реставрационной Майя приготовила всё как для приёмки особенно хрупкого предмета: чистый стол, две лампы, хлопчатобумажные ленты, журнал, часы с секундной стрелкой. На отдельном подносе лежал «Дом на северной стороне» в новой защитной обложке. Рядом — заявление Зои, раскрытое на строке о запрете реконструкции.

— Она уже ушла? — спросила Зоя.

— Осталась в архиве. Если понадобится свидетель, позову. В комнату входить не будет.

— Значит, все вокруг знают?

— Майя знает, что мы проверяем происхождение и маршрут книги. О Комнатах — нет.

Лида произнесла последнее слово тише. За четыре ночи оно перестало казаться ей названием и стало похоже на рабочий термин, который опасно легко принять за объяснение.

Зоя сняла пальто. Под ним был тот самый мужской жилет, серый, с растянутым карманом на груди. Она достала оттуда рецептурный бланк. Бумага пожелтела по сгибам, синий штамп поликлиники выцвел, но строка «Не уносить дом» оставалась резкой.

— Что мне делать?

— То же, что сделали тогда, когда остановились. Положить закладку на вашу страницу. Открыть книгу после полуночи.

— Я спрашиваю не про руки.

Лида взглянула на часы. До полуночи оставалось двадцать две минуты.

— Внутри вам предложат то, чего вы ждали от продолжения. Может появиться ваш муж. Может — герой книги. Они будут состоять из прочитанного и ваших ожиданий. Проводник может помочь увидеть край, но он не знает, что написано дальше страницы шестьдесят три.

— А вы будете слышать?

— Не знаю. Когда входила я, снаружи не было свидетеля.

— Камера?

— Запишет стол. В прошлый раз она не записала Комнату.

Зоя посмотрела на маленькую камеру под потолком.

— Удобное чудо. Никаких доказательств, кроме людей.

— Люди тоже не всегда доказательство.

— Особенно для начальства.

Она села, но не прикоснулась к книге. За окном бывшей типографии двигался снег — редкий, мокрый, почти весенний. На стекле отражались две женщины и пустое место между ними.

— Вчера дома дверь исчезла утром, — сказала Зоя. — Я открыла спальню в семь. Стена была чистая. Тапки стояли у кровати.

— Значит, она появляется не постоянно.

— Или научилась ждать.

— Вы снова называли мужа живым?

— Нет. Вчера после вас сказала вслух, что Костя умер четвёртого ноября. Дверь открылась сама на ладонь. За ней была кухня, какой мы её сделали в девяносто восьмом. Он сидел спиной. Я закрыла спальню.

Лида записала время и описание в рабочий журнал, затем остановила ручку.

— Можно зафиксировать это в вашем заявлении?

— После того, как я выйду. Если выйду той же.

— Что значит той же?

— Вы сказали, выдуманный финал забирает причину. Я четыре года держала её при себе.

Не хочу вернуться с чужим объяснением, почему остановилась.

Лида придвинула к ней чистый лист.

— Напишите причину сейчас и запечатайте. Не для меня. Для себя после возвращения.

Зоя не взяла ручку.

— Тогда бумага будет знать раньше меня.

— Вы уже знаете.

— Знаю несколько ответов. Не знаю, какой из них настоящий.

Она отвернула часы циферблатом от себя.

В коридоре звякнул ключ.

Лида встала раньше, чем дверь открылась. Павел вошёл без пальто, в рубашке с закатанными рукавами. В одной руке у него был служебный планшет, в другой — два бумажных стакана и маленькая бутылка воды.

— Добрый вечер, Зоя Андреевна. Павел Ильин, руководитель Центра. Спасибо, что согласились приехать так поздно.

— Я согласилась приехать к книге, — сказала Зоя.

Он поставил стаканы возле раковины, заметил лежащее заявление и улыбнулся осторожно, как человек, заранее согласившийся не спорить с чужой осторожностью.

— Разумеется. Лидия передала ваши условия. Я пришёл убедиться, что всё безопасно, и оформить решение сразу, чтобы вам не пришлось возвращаться.

— Уходите, — сказала Лида.

Павел не посмотрел на неё.

— У нас есть три маршрута: возврат владельцу, временное хранение или оцифровка с последующим...

— Возврат, — сказала Зоя.

— Можно оформить сейчас.

— Сейчас я ещё не решила.

— Вы только что сказали...

— Я сказала слово, которое хочу проверить.

Павел перевёл взгляд на книгу. На планшете светилась карточка экземпляра, и Лида увидела внизу фиолетовую кнопку «Построить завершение».

— Вы обещали форму без запуска, — сказала она.

— Это форма. Запуск требует подтверждения.

— Уберите планшет.

— Лида, если речь о психологически сложном решении пожилого владельца, учреждение обязано...

— Не называйте меня пожилым владельцем, — перебила Зоя. — Я Зоя Андреевна Коваль. Я умею решать, что делать со своей вещью.

Павел убрал планшет экраном вниз.

— Прошу прощения. Я останусь в коридоре.

— За дверью, — уточнила Лида.

— Там и есть коридор.

— За двумя дверями.

Его лицо стало жёстким.

— Ты проводишь несанкционированный ночной сеанс с посетительницей. Если что-то случится, отвечать буду я.

— Тогда запиши, что посетительница потребовала твоего отсутствия, а ты выполнил её условие.

— Что именно должно случиться в полночь?

Ответить могла только Лида, но Зоя подняла рецептурный бланк.

— Я открою книгу.

— Для этого не требуется закрывать реставрационную.

— Для чтения — нет. Для отказа — требуется.

Павел замер. Слово задело его точнее любого объяснения.

— Центр создан не для отказа от книг.

— А для чего?

— Для возвращения их в чтение.

— Любой ценой?

— С разумной помощью.

Зоя положила ладонь на защитную обложку.

— Мой муж умер между страницами шестьдесят три и шестьдесят четыре. Какую помощь вы считаете разумной?

Павел открыл рот, но не ответил. На мгновение Лида увидела не руководителя, защищающего проект, а человека, который слишком хорошо понял вопрос и потому не мог признать его допустимым.

— За двумя дверями, — повторила она.

Он забрал планшет. У порога остановился.

— В карточке уже есть машинная версия. Её построили в ночном пакете по библиографическому описанию, не по этому экземпляру. Я не запускал её для Зои Андреевны.

— Но связал с карточкой.

— Автоматическая привязка. Я могу удалить после демонстрации.

— Удалите сейчас.

— Это единственная тестовая выборка.

— Зоя запретила реконструкцию.

— После расчёта.

Зоя тихо засмеялась.

— Значит, если украсть вчера, сегодняшняя дверь уже не заперта?

Павел покраснел.

— Никто ничего у вас не крал. Алгоритм создал предположение по открытому описанию сюжета.

— Тогда отдайте предположение тому, кому оно принадлежит.

— Оно никому не принадлежит.

— Вот и выбросьте.

Павел вышел. Первая дверь закрылась. Через несколько секунд хлопнула вторая.

До полуночи оставалось девять минут.

Лида проверила, что в реставрационной нет включённых экранов. Камеру отключать не стала: обычное присутствие Зои и движение книги должны были сохраниться хотя бы как границы события. Затем поставила у порога стул для себя.

— Почему там? — спросила Зоя.

— Если появится дверь, я останусь снаружи.

— А если не появится?

— Оформим возврат и отвезём вас домой.

— И это тоже будет решением?

— Да.

Зоя погладила край рецептурного бланка.

— Соня говорила иначе. Что решение должно быть видно.

— Когда?

— В первый раз. Когда принесла мне распечатанный финал. Она тогда торопилась. Всё хотела устроить так, чтобы люди вошли в комнату на выставке, а посетители увидели момент выбора.

— Она знала про настоящие Комнаты?

— Не употребляла это слово. Говорила: «Если мы покажем остановку как пространство, отказ перестанет выглядеть дырой». Я решила, что это художнические разговоры.

— Соня не была художницей.

— Она была вашей сестрой. Это не одно и то же, что знать всю её работу.

Секундная стрелка дошла до двенадцати. В старом здании щёлкнули трубы. За второй дверью кто-то прошёл по коридору и остановился.

— Павел, — громко сказала Лида, — отойдите к архиву.

Шаги не ответили. Через несколько секунд удалились.

Зоя достала книгу из защитной обложки. Крышка была выгнута после старой воды, ткань на корешке посветлела. Она нашла страницу не по номеру, а по изгибу блока. Между шестьдесят второй и шестьдесят третьей страницами осталась тонкая тёмная полоса от прежней закладки.

— Здесь, — сказала она.

— Вы уверены?

— На шестьдесят третьей сын входит в дом. На следующей должен открыть последнюю комнату.

— Вы читали начало шестьдесят четвёртой?

— Первую строку. «Ключ оказался тёплым». Потом позвонили из больницы.

Лида не знала этого. Вчера Зоя сказала только о смерти мужа, и точка остановки казалась символической, почти слишком удобной. Теперь между строками появилась больничная трубка, чужой голос, поездка по февральской каше и настоящая минута, после которой книга закрылась сама.

— Закладка лежала здесь все четыре года?

— Нет. В больнице я выписала слова на первом листке, который нашла. Вернулась через три дня. Книга была раскрыта. Вставила листок и убрала в шкаф.

— Что вы написали сначала?

Зоя перевернула бланк. На обороте проступали вдавленные, почти стёртые буквы.

— «Комнату не открывать». Потом Соня сказала, что запрет звучит так, будто дверь всё равно главная. Я переписала.

— «Не уносить дом».

— Да. Не комнату. Дом.

В полночь часы не зазвонили. Только секундная стрелка прошла верхнюю отметку, и лампа над столом стала желтее.

Зоя вложила бланк перед первой строкой страницы шестьдесят четыре.

Бумага под её пальцами прогнулась. Стол вытянулся, словно перспектива решила продолжить его дальше стены. За книгой возник узкий коридор, оклеенный обоями с бледными ветками. На полу лежала дорожка, вытоптанная посередине. Дверь в конце была закрыта.

Лида видела всё так ясно, что сперва не поняла: порог проходит прямо по сгибу книги. Она шагнула к Зое.

Подошва упёрлась во что-то невидимое. Не стена — скорее сопротивление воды, ставшей твёрдой. Лида вытянула руку. Пальцы прошли к плечу Зои, но в нескольких сантиметрах от ткани их отвело в сторону.

— Я не могу дальше, — сказала она.

Зоя не обернулась.

— Это вы уже говорили.

Она поднялась и вошла в коридор.

С каждым шагом её фигура не уменьшалась, хотя расстояние росло. Лида видела и стол, и коридор одновременно: два несовместимых пространства, сшитых корешком книги. На видеокамере горел зелёный огонёк.

Зоя дошла до первой двери слева. За ней оказалась кухня с клеёнкой в мелкие лимоны, алюминиевой сушилкой и настенными часами без минутной стрелки. У плиты стоял мужчина в домашней рубашке. Лица не было видно: он резал хлеб, наклонив голову.

— Зой, чайник опять свистит, — сказал он.

Зоя остановилась так резко, что дорожка собралась складкой у её туфель.

— Костя никогда не слышал чайник, — сказала она.

Мужчина повернулся. Вместо лица у него была тень от оконной рамы.

— Тогда ты скажи, когда снять.

— А я всегда забывала.

На плите шёл пар. Он пах не чаем, а типографской пылью.

— Это было в книге? — спросила Лида снаружи.

Зоя посмотрела в её сторону. Голос дошёл до неё с задержкой.

— Лимоны были. Часы были. Мужчина — герой, отец вернувшегося сына. Рубашка Костина.

— Значит, Комната смешивает.

— Я вижу.

Мужчина поставил нож. Тень на месте лица стала глубже.

— Ты хотела, чтобы я дождался, — произнёс он.

Зоя вошла на кухню на один шаг. Лида почувствовала, как невидимая граница у сгиба книги отодвинулась и тут же сомкнулась.

— Нет, — сказала Зоя. — Я хотела, чтобы ты не умер до моего приезда.

Чайник замолчал. Мужчина исчез не сразу: сначала опустела рубашка, затем руки превратились в деревянные ручки ножа и шкафчика, а тень лица легла на пол обычным оконным прямоугольником.

Зоя вернулась в коридор.

Дверь кухни закрылась. На ней появилась табличка «Прочитано».

В конце коридора круглая латунная ручка повернулась.

— Не открывайте, если не хотите, — сказала Лида.

— Я пришла не за вашим разрешением.

— Знаю.

— Тогда не раздавайте его.

Зоя пошла дальше. Справа открылась гостиная из романа: тяжёлый буфет, диван с вязаным покрывалом, семейные фотографии, на которых лица были написаны слишком мелко. На диване сидел молодой человек с дорожной сумкой у ног. Наверное, сын из книги. В руке он держал тёплый ключ.

— Мама велела ничего не менять, — сказал он.

— Твоя мать умерла? — спросила Зоя.

— Вы не дочитали.

— Значит, не знаю.

— Откройте, и узнаете.

Он протянул ей ключ. Металл светился на ладони, как нагретая монета.

Зоя не взяла.

— Это уже было написано?

— Ключ оказался тёплым.

— Одна строка.

— Дальше должна быть дверь.

— Дверь была до этого.

— Дальше должен быть ответ.

Зоя посмотрела на Лиду.

— Вот так книга и разговаривала со мной все эти годы. Не словами. Обязанностью узнать.

Молодой человек поднялся.

— Разве можно оставить мать запертой?

— Я не знаю, кто там заперт.

— Вы знаете, кого хотите увидеть.

Его лицо дрогнуло. На миг подбородок стал Костиным, на щеке появилась родинка, которой у книжного героя не могло быть.

— Не называйте его, — сказала Лида.

— Почему? — спросила Зоя.

— Если Комната получает ожидание из нас, имя даст ей больше.

— Имя принадлежит не ей.

Зоя повернулась к молодому человеку.

— Константин Сергеевич Коваль умер четвёртого ноября две тысячи двадцать второго года в городской больнице Стрежня. Я не успела к нему на двадцать семь минут. Ты не он. И мать за дверью — не моя забота, пока я не прочла, что она там.

Лицо молодого человека стало гладким. Ключ упал на ковёр и прожёл в нём круглую дыру. Под дырой не было пола — только белое поле страницы.

Гостиная сложилась внутрь себя. Дверь захлопнулась, таблички на ней не появилось.

Коридор стал короче.

У последней двери теперь стоял проводник.

Он был в тёмном сюртуке, слишком длинном для современного дома, и в домашних кожаных тапках Кости. Пореза на щеке не было. Волосы казались седыми у висков, хотя ещё ночью у Лидиной гавани были чёрными. Он держал связку ключей, но ни один не подходил к круглой латунной ручке.

— Вы опять надели чужое, — сказала Лида.

Он взглянул на тапки.

— Меня встречают по тому, кого ждут.

— Я вас не ждала, — сказала Зоя.

— Поэтому вы видите ошибку.

Она подошла ближе.

— Я видела вас четыре года назад.

— Здесь нет четырёх лет.

— За Сониным плечом. Тогда у вас был порез.

Проводник коснулся щеки, будто проверял отсутствие старой раны.

— Порез принадлежал человеку, который не вернулся с причала.

— Из Лидиной книги?

— Из роли, которую забыли до развязки.

— Почему вы были с Соней?

Вместо ответа он поднял связку. Ключи звякнули, и за последней дверью кто-то трижды постучал.

— Сначала край, — сказал проводник. — Вопросы, которые уводят от двери, умеют делать её прочнее.

— Удобно, — сказала Зоя. — Все мужчины сегодня объясняют мне порядок.

Проводник опустил руку.

— Тогда порядок назовёте вы.

Он отошёл к стене. Тапки остались на месте, а его ноги оказались обуты в высокие морские сапоги. Лида заметила это первой. Проводник тоже посмотрел вниз и нахмурился.

— Что происходит с вами после закрытия книги? — спросила она.

— Не сейчас, — сказала Зоя.

Лида замолчала. Это была не её Комната и не её очередь задавать вопросы.

Зоя встала перед последней дверью. Из щели у пола тянуло холодом. За дверью слышалось размеренное дыхание, потом шелест газеты. Круглая ручка была такой же, как в спальне Зои, но на белой краске виднелись бледные ветви с обоев книжного коридора.

— Что будет, если я открою? — спросила она.

— Появится то, что вы уже прочли, и то, чем вы заполнили непрочитанное, — ответил проводник.

— Я увижу Костю?

— Вы увидите достаточно похожее, чтобы захотеть поверить.

— А настоящий текст?

— Он лежит снаружи. Страницы после закладки существуют. Я их не знаю, пока вы их не прочитаете.

— Значит, я могу выйти, дочитать и узнать, что сделал сын.

— Можете.

— Могу открыть эту дверь сейчас?

— Можете.

— Могу вернуть книгу?

— Если она перестанет быть обещанием, которое вы обязаны исполнить.

За дверью мужской голос произнёс:

— Зоя, ключ у тебя.

На этот раз он не ошибся ни в имени, ни в интонации. Костя, каким она его помнила, говорил спокойно и немного раздражённо, будто ждал на лестничной площадке, пока она ищет ключи в сумке.

Зоя взялась за ручку.

Лида вскочила со стула. Невидимая граница ударила её в плечо.

— Зоя Андреевна!

— Тихо, — сказала Зоя.

Она держала ручку, но не поворачивала.

— Я должна понять, почему не дочитала.

— Вы сказали: после смерти мужа.

— Это событие. Не причина.

За второй дверью реставрационной резко заговорил Павел:

— Лида, открой. В системе пошла ошибка связанной карточки.

Она не ответила.

— Три проёма в читальном зале открылись одновременно. На датчике движение.

Ручка под ладонью Зои стала поворачиваться сама.

— Открой немедленно!

Павел дёрнул первую дверь. Лида заперла её заранее, но ключ торчал снаружи. Замок щёлкнул.

Она бросилась к обычному порогу и навалилась на дверь. Павел толкнул с другой стороны.

— Там посетительница!

— Именно поэтому не входи.

— У нас аварийный протокол.

— Для чего? Для двери, которой нет в протоколе?

— На камере она исчезла!

Лида оглянулась. На экране внутреннего регистратора, видимом через стекло шкафа, стол был пуст. Книга лежала раскрытой, а стул Зои стоял отодвинутым. Камера не видела ни женщину, ни коридор.

Павел ударил плечом. Дверь приоткрылась на ладонь. В щель вошёл край планшета.

— Я вызову охрану.

— Вызывай. Покажешь им пустой стул.

— Дай войти.

— Она запретила.

— Она не могла понимать риск.

— А ты понимаешь?

Планшет засветился. На экране поверх карточки книги появилось уведомление: «Связанный сценарий активен. Продолжить построение?» Под ним были две кнопки. Павел пытался просунуть руку.

Лида перехватила планшет за край.

— Не нажимай.

— Если сценарий уже активен, завершение стабилизирует модель.

— И дверь.

— Какую дверь?

Из коридора Комнаты донёсся треск. Последняя дверь открылась на несколько сантиметров. За ней был дневной свет и край кухонного стола. На столе стояли две чашки.

— Закройте! — крикнула Лида.

Зоя не двигалась.

— Это моя кухня, — сказала она.

Проводник стоял у стены. Его лицо менялось: молодело, старело, заострялось, теряло цвет. Он не приближался.

— Это кухня, которую вы принесли, — сказал он.

— Костя там?

— Там место, которое вы приготовили для него.

В щели показалась мужская рука. На безымянном пальце было простое серебряное кольцо. Зоя провела большим пальцем по собственной обручальной полоске.

— Он потерял кольцо за год до смерти, — сказала она. — В огороде. Мы так и не нашли.

Рука за дверью сжалась.

— Я думала, если бы дочитала тогда, — продолжила Зоя, — книга сказала бы мне, что делать с его вещами. Оставить комнату как есть или вынести всё. Сын в романе должен был решить за меня.

— Это причина? — спросил проводник.

— Нет.

Дверь раскрылась ещё немного. Теперь было видно плечо мужчины. На нём сидела домашняя рубашка Кости, но карман оказался справа, а не слева.

— Я боялась не решения, — сказала Зоя. — Я боялась, что герой войдёт, увидит вещи матери и сможет жить дальше. На следующей странице. За один вечер. Если бы он смог, я должна была бы тоже.

Коридор дрогнул. Обои покрылись строками, слишком мелкими, чтобы прочесть.

— А если бы не смог? — спросил проводник.

— Тогда я получила бы разрешение ничего не менять.

— И это было бы плохо?

Зоя наконец отпустила ручку. Дверь осталась приоткрытой.

— Это было бы чужое разрешение. Мне не хотелось ни одного ответа. Я остановилась, потому что книга дошла до места, где любое продолжение начинало командовать моим горем. Последнее слово прозвучало без дрожи. Не мягко и не примирённо — точно.

За дверью мужчина сказал:

— Зоя, я замёрз.

Она закрыла дверь обеими руками.

— Костя умер в тёплой палате, — произнесла она. — Замёрзла я. На остановке после больницы. Это моё воспоминание. Не бери.

Латунная ручка рассыпалась в её ладони на плоские золотистые буквы. Они упали на дорожку и сложились в одно слово: «дальше».

Зоя переступила через него.

Павел снаружи снова толкнул дверь реставрационной. Лида удерживала её плечом, но планшет уже наполовину оказался внутри. На экране кнопка «Продолжить» светилась фиолетовым.

— Убери сценарий из карточки, — сказала она.

— Сначала выпусти меня.

— Удали.

— Это служебные данные.

— Она сейчас выбирает. Твой текст лезет в её Комнату.

Павел перестал давить.

— Ты видишь что-то?

Лида промолчала.

— Лида, если это не метафора, тем более дай войти.

— Нет.

— Я могу помочь.

— Ты уже помог. Удаляй.

Несколько секунд планшет оставался неподвижным. Потом карточка погасла. Появился запрос администратора, Павел набрал код. Лида видела только движение его пальца.

— Удалить расчёт или отвязать от экземпляра? — спросил он.

— Удалить.

— Тогда мы потеряем результат теста.

— Да.

— Его можно обезличить.

— Нет.

— Зоя Андреевна этого не требовала. Она запретила реконструкцию от её имени, а расчёт...

Из Комнаты донёсся голос Зои:

— Требую.

Павел услышал. Лида поняла это по тому, как ослабла его рука на планшете.

— Она там? — спросил он.

— Удаляй.

На экране появилось красное окно подтверждения. Павел нажал. Фиолетовая кнопка исчезла. Карточка книги осталась, но поле «завершение» стало пустым.

В читальном зале что-то тяжело хлопнуло. Потом второе. Третье.

Из-под обычной двери потянуло белой бумажной пылью.

Лида отпустила планшет, но не отошла от порога.

В Комнате проводник поднял одну из золотистых букв. Она растаяла между его пальцами.

— Причина названа, — сказал он. — Остался выбор.

Перед Зоей появились три предмета. На подоконнике лежала книга, раскрытая на странице шестьдесят четыре; текст после первой строки был виден, но буквы отворачивались от Лиды, сколько бы она ни меняла угол зрения. На стуле стояла пустая коробка с завязками — такая, в каких Центр хранил закрытые частные подборки. У порога висела полотняная сумка Зои.

— Дочитать, закрыть или вернуть, — сказала Зоя.

— Да.

Она подошла к раскрытой книге. Провела пальцем над строками, не касаясь. Буквы поднялись навстречу, складываясь в дверную ручку.

— Если прочту сейчас, это будет настоящий текст?

— Да.

— Не машинный?

— Он напечатан в вашем экземпляре.

— И я узнаю, открыл ли сын комнату.

— Узнаете.

— А если закрою?

— Книга останется вашей закрытой книгой.

— Если верну?

— Вы отдадите не решение, а саму книгу. Она перестанет ждать от вас продолжения.

Зоя посмотрела на коробку.

— Соня хотела, чтобы я закрыла. Наверное, красиво выглядело бы на выставке: шесть коробок, шесть человеческих причин.

— Она просила подумать, — напомнила Лида.

— Вы слышали мой рассказ.

— И ваше решение подумать.

Зоя усмехнулась.

— Учитесь.

Она взяла книгу с подоконника. На мгновение Лида решила, что Зоя будет читать. Та закрыла обложку, но не положила в коробку. Подошла к полотняной сумке и опустила том внутрь.

— Возвращаю, — сказала она.

— Кому? — спросил проводник.

— Не себе. Не Соне. Не мужу. Центру, если он умеет хранить книгу без обещания закончить её за меня.

Павел стоял за дверью и молчал.

— А если не умеет? — спросил проводник.

— Тогда библиотеке на Западной. Там заведующая не спрашивает, почему сдаёшь непрочитанное.

— Вы можете забрать её домой.

— Дома ей снова понадобится последняя комната. Я четыре года держала для неё место на полке и место в спальне. Хватит.

— Вы не дочитаете?

Зоя затянула шнур полотняной сумки.

— Не дочитаю.

Коридор не исчез. Сначала с него ушёл холод. Потом обои потеряли бледные ветви и стали обычной серой бумагой. Табличка «Прочитано» отпала от кухонной двери. За всеми дверями оказались неглубокие ниши, ровно настолько большие, чтобы вместить одну раскрытую книгу.

Последняя дверь отделилась. Там, где она стояла, появилась белая стена без ручки.

Проводник выдохнул. С его ног исчезли морские сапоги. На миг он остался босым, затем пол под ним поднялся складкой и сделался обувью — простой, тёмной, без узнаваемой эпохи.

Седина на висках пропала.

Но вместе с ней исчезло что-то ещё. Лида не сразу поняла: левая кисть проводника стала полупрозрачной. Сквозь неё просвечивали строки обоев.

Он посмотрел на руку без удивления.

— Что с вами? — спросила Лида.

— Одной ролью меньше.

— Вы исчезаете?

— Я перестаю быть тем, кого оставили ждать.

— Это не одно и то же?

— Пока не знаю.

Зоя подошла к нему почти вплотную.

— Соня знала, что с вами будет?

— Она спрашивала.

— Что именно?

Проводник посмотрел через плечо Зои на Лиду.

— Сколько решений нужно, чтобы от меня осталось моё.

У Лиды похолодели пальцы.

— Значит, Соня видела вас не случайно.

— В Комнатах мало случайного. Но ожидания умеют притворяться причиной.

— Она собирала шесть остановок ради вас?

— Спросите то, что принадлежит вам.

— Это принадлежит мне. Она моя сестра.

— Сестра — да. Её замысел — нет, пока вы его не прочли.

Лида ударила ладонью по невидимой границе.

— Где прочесть? В списке семь строк. Рукопись оборвана. Она умерла.

Проводник не отвёл глаз.

— Поэтому не делайте меня её ответом.

Коридор начал складываться. Зоя быстро пошла к выходу, но расстояние между ней и столом росло. Лида протянула руку, снова встретила твёрдое сопротивление.

— Не спешите, — сказал проводник. — Выбор уже сделан. Теперь несите только своё.

Зоя остановилась, сняла мужской жилет и аккуратно сложила на дорожке.

— Это моё, — сказала она. — Костя носил, потом я. Я не оставлю.

Она снова надела жилет.

Затем достала из кармана рецептурный бланк. Надпись «Не уносить дом» расплылась, будто попала под дождь.

— А это?

— Закладка сделала своё, — ответил проводник.

— Бумага моя.

— Тогда заберите бумагу без приказа.

Зоя сложила бланк вчетверо и спрятала обратно. Синие буквы остались на воздухе. Проводник провёл прозрачной кистью сквозь них, и фраза рассыпалась.

Коридор сократился одним рывком. Зоя оказалась у стола и села на свой стул так естественно, словно никуда не уходила. За книгой ещё секунду стояла белая стена без двери. Потом и она стала листом бумаги, упала на раскрытый том и исчезла между страницами.

Лампа моргнула. Часы показывали двенадцать часов семь минут.

Лида открыла обычную дверь.

Павел стоял в коридоре с планшетом в опущенной руке. За ним была Майя, наспех накинувшая пальто поверх домашнего свитера. Из читального зала тянуло холодом.

— Что произошло? — спросила Майя.

— Карточка дала сбой, — сказал Павел.

— Три стены дали сбой?

На рукаве у него лежала белая пыль. Майя сняла её пальцем, растёрла и понюхала.

— Бумажное волокно. Откуда?

— Из вентиляции, — ответил Павел.

— Вентиляция выключена с десяти.

Зоя поднялась. Полотняная сумка стояла рядом, но книга снова лежала на столе — закрытая, без закладки. Она взяла том и протянула Павлу.

— Возвращаю Центру. Без завершения. Без оцифровки. Без выставки, пока отдельно не соглашусь.

— Центр может принять на хранение, — сказал он.

— Может ли он не решать за меня?

Павел посмотрел на пустое поле карточки.

— Расчёт удалён.

— Не его спрашиваю.

Он поднял глаза.

— Может.

— Запишите.

Майя уже открывала журнал.

— Формулировка?

Зоя продиктовала:

— «Возврат владельцем в фонд без согласия на реконструкцию, сокращённый пересказ, публичное экспонирование или определение финала от её имени. Решение не дочитывать принято лично и не является основанием для списания».

— Последняя часть выходит за действующий регламент, — сказал Павел.

— Тогда измените регламент.

— До Ночи инвентаризации шесть недель.

— Вы быстро строите двери. На строку времени хватит.

Майя спрятала улыбку и записала всё дословно. Зоя подписала. Павел после короткой паузы поставил служебную визу.

Лида проверила время, состояние книги и отсутствие вложения. Рецептурный бланк Зоя оставила в кармане.

— Домой поедет сейчас, — сказала Лида. — Я с вами.

— Чтобы проверить стену?

— Если позволите.

— Позволю. Но сначала покажите здешние двери.

В читальном зале три проёма исчезли. На месте одного от штукатурки отслоилась прямоугольная рамка; второго не было вовсе, только кабель сервиса лежал поперёк пола; на месте третьего у каталога стоял узкий книжный шкаф, которого Лида раньше не замечала. Все ящики в нём были закрыты.

Павел включил верхний свет. Рамка на стене стала обычным следом старой перегородки.

— Здесь всегда было видно ремонт, — сказал он.

— Нет, — ответила Майя. — Я составляла паспорт помещения.

Он не стал спорить.

В машине Зоя сидела впереди рядом с водителем. Лида держала на коленях пустую защитную обложку и смотрела, как бывшая типография уменьшается в заднем стекле. На верхнем этаже между окнами больше не было тёмного прямоугольника.

Квартира встретила их тишиной. Зоя не включила свет в прихожей. Сняла пальто, оставив мужской жилет на себе, и сразу открыла спальню.

Кровать, кресло, газета. Кожаные тапки стояли у стены носками к плинтусу. Белой двери не было.

Зоя подошла к стене и провела по ней ладонью. Обои были прохладными, цельными. Она постучала костяшками — один раз, два, три.

Никто не ответил.

— Исчезла, — сказала Лида.

— Стена осталась.

— Это хорошо?

Зоя села на край кровати.

— Это стена.

Она подняла газету с кресла. Под ней обнаружился тонкий прямоугольник незапылённой ткани — след вещи, которую долго не двигали. Зоя сложила газету и отнесла в коридор, к стопке макулатуры.

— Не обязаны делать это сегодня, — сказала Лида.

— Я и не делаю всё. Только газету.

В кухне она поставила чайник и достала одну чашку. Потом подумала, вынула вторую, налила в неё воду и полила засохшую герань на подоконнике.

— Книгу вы правда не забрали? — спросила Лида.

— Правда.

— Не жалеете?

— Уже пытаетесь проверить правильность?

— Да. Простите.

— Не прощаю. Запоминайте.

Лида кивнула.

Зоя сняла жилет, повесила на спинку стула и достала из кармана рецептурный бланк. Синяя надпись исчезла полностью. Остались штамп, фамилия врача и название лекарства, которое Косте выписывали много лет назад.

— Вот вам доказательство, — сказала она.

— Можно сфотографировать?

— Нет.

Она разорвала бланк по старому сгибу. Лида задержала дыхание, но не остановила её. Зоя бросила половинки не в мусор, а положила в жестяную коробку с документами.

— Бумага моя, — напомнила она. — Приказа больше нет.

— Вы сказали проводнику, что видели его с Соней. Он ответил, что она спрашивала, сколько решений нужно, чтобы от него осталось своё.

— Я слышала.

— Что Соня хотела сделать?

— Вы снова спрашиваете меня о том, чего я не знаю.

— Она принесла вам финал, потом вернулась. После встречи с проводником составила вопросы для других читателей. Значит, проект изменился из-за него.

Зоя выключила чайник до свистка.

— Или из-за меня.

— Что вы ей сказали?

— Что чужой хороший конец бывает хуже честной пустоты. Она записала. Потом спросила, если собрать несколько отказов, не станет ли этот молодой человек свободным от книг.

— Именно так?

— Не дословно. Что-то про роль без пьесы. Я не поняла.

— А он был рядом?

— На лестнице. С порезом. Соня его не видела, пока я не повторила его слова. Потом посмотрела туда, где он стоял.

— И увидела?

— Не знаю. Испугалась — это видела.

Зоя поставила перед Лидой чашку.

— Вы думаете, сестра оставила вам список, чтобы вы спасли его.

— Я думаю, список и он связаны.

— Это разные фразы.

— Да.

— Какая из них ваша?

Лида посмотрела на пустой дверной проём кухни. За ним были коридор и гладкая стена спальни.

— Первая слишком похожа на то, чего я хочу.

— Значит, пока держитесь второй.

Когда Лида вышла на улицу, было без двадцати два. Снег прекратился. В окнах Зои погас свет спальни, затем кухни. Ни в одном не появилось лишней комнаты.

Телефон завибрировал. Павел прислал снимок служебного журнала: запись Майи, подпись Зои, его виза. Ниже было сообщение: «Утром обсудим, что ты устроила. До этого не трогай остальные пять книг».

Лида открыла таблицу Сони. После строки Зои стояла строка «Т.» и название детской приключенческой книги. Но взгляд возвращался к седьмой строке — «Соня. Река начинается после моста». В графе причины было пусто. В графе решения — тоже.

Она увеличила фотографию старого листа. Между шестой и седьмой строками проступал едва заметный след стёртой записи. Раньше Лида принимала его за сгиб. Теперь различила два слова, продавленные сильной рукой:

«дать имя».

Проводник сказал, что Соня спрашивала, сколько решений нужно, чтобы от него осталось своё. Зоя помнила вопрос о роли без пьесы. А в списке, составленном после их встречи, было шесть чужих остановок и одна незавершённая рукопись.

Лида убрала телефон, не дописывая стёртые слова в таблицу. Сначала нужно было проверить оригинал под боковым светом. Принять вдавленный след за поручение оказалось бы слишком лёгким продолжением.

Но впервые вопрос звучал не так: какое послание Соня оставила сестре?

Другой: кого Соня пыталась отделить от всех героев, которыми его заставляли быть?

Глава 7. Имя Яр

К девяти утра снег на внутреннем дворе Центра превратился в серую крупу. Вода стекала с подоконника в жестяной отлив, и каждый удар капли отзывался в лаборатории так, будто кто-то терпеливо набирал один и тот же знак.

Лида положила Сонину таблицу на чёрный бархат, выключила верхний свет и придвинула реставрационную лампу почти вплотную к столу. При прямом свете лист оставался обычновенным: семь строк, выцветшая синяя сетка, знакомый наклон букв. При боковом проступило то, чего чернила уже не удерживали.

Сначала показалась бороздка от шариковой ручки. Она пересекала графу между шестой и седьмой строками, цеплялась за клетку с фамилией Зои и уходила в поле, где Соня позднее написала своё имя. Лида меняла угол лампы по одному делению, фотографировала каждый раз и не позволяла себе читать, пока не закончила съёмку.

Только потом увеличила снимок.

«дать имя».

Ниже, почти невидимо, был ещё один след. Не слово — две короткие линии, соединённые дугой. Возможно, зачёркнутая буква. Возможно, отпечаток скрепки.

Лида внесла в карточку: «Вдавленная запись, предположительно: “дать имя”. Авторство и время нанесения не установлены. Нижний след не идентифицирован». Слова «предположительно» и «не установлены» успокоили её сильнее, чем должны были. Они не отменяли надежду, зато возвращали ей границы.

Дверь лаборатории открылась без стука.

Павел вошёл с двумя распечатками и поставил их рядом с лампой, не глядя на лист.

— В семь сорок охрана выгрузила ночной журнал. Ты отключила датчик в третьем читальном зале.

— Перевела в сервисный режим. На сорок две минуты.

— Без заявки.

— Заявка появилась бы у тебя.

— Именно для этого они существуют.

Он был в том же тёмном пиджаке, что ночью. На манжете осталась белая бумажная пыль. Лида заметила её и подумала, что Павел либо не ездил домой, либо не переодевался, чтобы сохранить право считать ночь продолжением рабочего дня.

— Ты привела человека после закрытия, — сказал он. — Использовала книгу, которой не было в плане работ. Допустила постороннюю к закрытому фонду.

— Владелицу — к её собственной книге.

— После передачи Центру это единица хранения.

— Не человек.

Павел положил палец на верхнюю распечатку.

— Я не буду спорить словами. Вот акт нарушения доступа. Подпиши, что ознакомлена.

Лида прочла. Время входа было указано верно. Отключение датчика — тоже. В графе «последствия» стояло: «Нештатное изменение геометрии служебного помещения, сбой трёх карточек каталога, утрата результата автоматической реконструкции».

— Результат не утрачен, — сказала она. — Ты его удалил.

— После того как он стал нестабилен.

— После запрета Зои.

— Это совпало.

— Ты поставил визу под её решением.

— Под приёмом на хранение. Не под объяснением стен.

Лида взяла карандаш и дописала на полях: «С формулировкой последствий не согласна. Изменения исчезли после добровольного решения владелицы и удаления реконструкции». Поставила дату и подпись.

Павел прочёл, но лист не забрал.

— Ты понимаешь, что сделала хуже?

— Для кого?

— Для Центра. Через шесть недель комиссия. Если в журнале появится хоть намёк на помещения, которых нет в паспорте здания, нас закроют раньше, чем спишут первую коробку.

— Поэтому в журнале должен остаться «сбой»?

— Поэтому там должны остаться проверяемые факты.

— Три сотрудника видели проёмы.

— Три уставших сотрудника после полуночи видели повреждение отделки и неполадку каталога.

— И книга Зои сама вернулась на стол.

— Этого не записала даже Майя.

— Потому что держала журнал, а не книгу.

Павел медленно выдохнул. Его взгляд скользнул по чёрному бархату.

— Что ты здесь проверяешь?

Лида могла накрыть таблицу промокательной бумагой. Вместо этого повернула к нему монитор с увеличенным снимком.

— Вдавленный след.

Он прочёл два слова и слишком быстро отвёл глаза.

— Почерк Сони?

— По вдавленной линии этого не установить.

— Но тебе уже достаточно.

— Для чего?

— Назвать его. Сделать из случайного образа фигуру её проекта. Потом объявить, что у нас есть хранитель забытых книг, свидетель, автор — что угодно, лишь бы не признать простой вещи: твоя сестра оставила незаконченный эксперимент.

— Я как раз записала, что авторство не установлено.

— На карточке. А у себя?

Лида посмотрела на слова. Ночью они казались поручением. Теперь, под лампой, в них было видно давление руки: первая буква прорезала бумагу глубже остальных, между словами оставался неровный пробел. Живой человек писал их торопливо, ошибался в нажиме, мог зачеркнуть минутой позже.

— У себя я пока оставляю вопрос, — сказала она.

— Вопросы тоже умеют командовать.

— Как и готовые ответы.

Павел собрал распечатки в ровную стопку.

— До решения комиссии ты отстранена от ночных работ.

— Чьей комиссии?

— Моей, Майи и специалиста по охране здания.

— То есть до решения двух твоих подчинённых и тебя.

— До документированного решения. Сегодня работаешь только с коробкой Сони, при открытой двери. Остальные пять книг не трогаешь.

— Мы это уже обсуждали ночью.

— Ночью я просил. Сейчас приказываю.

Он дошёл до двери.

— Запись Зои останется в учёте? — спросила Лида.

— Книга принята на хранение.

— Полная запись. Запрет на реконструкцию, пересказ, экспонирование и списание без отдельного согласия.

— В действующей форме нет такого поля.

— Майя внесла примечание.

— Примечание не блокирует обработку.

— Тогда добавь блокировку.

Павел обернулся.

— Ты хочешь менять регламент по итогам одной ночи?

— Я хочу, чтобы сегодняшняя смена не загрузила книгу в тот же сервис, который ты вчера удалил.

— Смена получила распоряжение.

— Устное?

— Моё.

— Значит, оно исчезнет раньше, чем запись Зои.

Несколько секунд они слушали капли за окном.

Павел вернулся к столу, раскрыл вторую распечатку. Это была карточка книги Зои. Внизу, под служебной визой, он написал: «Реконструкцию, автоматическое реферирование, экспонирование и выбытие не производить без нового письменного согласия передавшей стороны». Поставил подпись и штамп Центра.

— До разработки общего порядка, — сказал он.

— Добавь в электронную карточку.

— Добавлю.

— Сейчас.

— Ты проверяешь меня?

— Да.

Он достал планшет, открыл каталог и при ней включил четыре запрета. Красные значки выстроились внизу карточки. Последним появилось поле «основание»: решение З. А. Веденской от четырнадцатого февраля.

— Достаточно?

— Для книги — да.

— А для тебя?

— Нет.

— Тогда это уже не моя форма.

Павел ушёл. Дверь оставил открытой.

Лида сохранила снимки в папку исследования и присвоила им номера. Затем убрала оригинал таблицы под нейтральную плёнку. Ей хотелось снова прочесть «дать имя», но после разговора два слова стали опаснее. Если выполнить их сразу, она никогда не узнает, выбрала ли сама или послушалась следа, который назначила волей Сони.

На обороте седьмой страницы рукописи была фраза, которую Лида помнила почти наизусть: «За мостом начинался яр, хотя вода ещё не знала, что ей придётся стать рекой». Соня трижды меняла начало предложения. Сначала было «обрыв», потом «круча», потом короткое слово, продавленное сильнее соседних.

Лида достала рукопись не ради имени. Она собиралась проверить нижний след на таблице по отпечаткам Сониной ручки. Так записала в журнале и повторила про себя.

Листы лежали в отдельной коробке между прокладками. На странице семь обнаружилось старое жёлтое пятно от чая, похожее на остров. Строка про яр проходила по его краю. Ниже героиня Сони переходила мост, видела сухое русло и слышала, как кто-то идёт под досками в

ту же сторону. Следующая страница начиналась уже другой сценой. Между ними не хватало листа или перехода, но нумерация была последовательной.

Лида поставила лампу сбоку. Нажим совпадал по глубине, но это ничего не доказывало. Шариковая ручка оставляет похожие борозды у сотен людей.

Из читального зала донёсся скрип.

Она замерла. Скрип повторился — не дверь, скорее деревянная рама под нагрузкой. Верхний свет в коридоре горел, часы показывали десять двадцать три. Комнаты прежде открывались после полуночи, с закладкой, конкретному читателю. Сейчас ни одного условия не было.

Лида вышла из лаборатории.

У каталога стоял узкий шкаф, появившийся ночью на месте третьего проёма. Майя считала, что его раньше не было. Павел заявил, что просто не замечали. Теперь нижний ящик выдвинулся на ширину ладони.

За ним темнела щель.

— Не подходите близко, — сказал проводник.

Голос шёл не из шкафа, а из прямоугольного следа старой перегородки напротив. Там, где ночью была дверь, штукатурка осела внутрь на несколько сантиметров. Проводник стоял по ту сторону, словно стена была мутным стеклом.

Лида не увидела в нём человека целиком. Сначала различила плечо, край воротника, правую половину лица. Левая рука почти сливалась с серой поверхностью. Волосы стали темнее после исчезновения седины, но теперь лежали разными прядями, будто каждая принадлежала своему портрету.

— Как вы пришли днём?

— Я не пришёл.

— Где вы?

— У закрытого проёма.

— Это я вижу.

— Нет. Вы видите место, где проём закрыли. Я вижу закрытие.

Лида подошла на шаг. Штукатурка оставалась твёрдой, холодной.

— После Зои вы потеряли седину.

— И сапоги.

— Раньше — порез.

— Он мешал меньше.

— Это принадлежало героям книг?

Проводник поднял полупрозрачную кисть. На секунду пальцы стали детскими, испачканными чернилами, затем длинными и узловатыми, потом снова почти невидимыми.

— Порез принадлежал человеку, которого оставили перед признанием. Сапоги — тому, кто не дошёл до берега. Седина — отцу, не открывшему письмо сына. Я помнил их ожидание лучше, чем лица.

— Когда читатель решает, вы освобождаетесь от роли.

— Роль освобождается от меня.

— В чём разница?

— Если снять с дома чужие пристройки, может оказаться дом. А может — место, где он стоял.

В нижнем ящике шкафа что-то шуршало. Лида не сводила глаз с проводника.

— Вы боитесь исчезнуть?

— Страх был у многих из них. Не знаю, какой остаётся мне.

— А чего хотите вы?

Он повернул голову, будто прислушался к вопросу с другой стороны стены.

- Чтобы следующий выбор не делали ради моего сохранения.
- Ответ был слишком точным, чтобы принять его без сопротивления.
- Соня собирала эти решения, чтобы освободить вас.
- Зоя сказала, что Соня спрашивала об этом.
- В таблице есть запись.
- Какая?

Лида почувствовала, как в кармане халата давит телефон со снимком.

- Два слова. Возможно, её рукой: «дать имя».

Проводник отступил, и на миг от него остался только воротник.

- Тогда не давайте.
- Я не собиралась.
- Вы принесли рукопись.

Лида оглянулась. Страница семь лежала под лампой в лаборатории, откуда её нельзя было увидеть. Но между стеной и проводником, возможно, расстояние работало иначе.

- Для сравнения нажима.
- И нашли слово.
- Оно там было давно.
- Слова часто бывают раньше приказов.
- Вы знаете, какое?
- Я знаю край этой страницы. За ним меня однажды не оказалось.

Лида вернулась в лабораторию, взяла рукопись вместе с подложкой и принесла к стене. Не протянула лист сквозь штукатурку — положила на столик каталога так, чтобы строку можно было прочесть с обеих сторон.

- Это текст Сони, — сказала она. — Реальный. Не восстановленный.
- Я вижу.
- Здесь есть «яр».

Проводник долго смотрел на строчку.

- Что оно значит?
- Крутой берег, обрыв. Иногда овраг. У Сони — место, откуда начинается русло.
- Короткое.
- Да.
- Не похоже на человека.
- Не обязано.

Лида прикусила язык. Даже объяснение могло стать мягким способом подтолкнуть.

- Я не предлагаю вам его, — сказала она. — И не истолковываю как Сонино указание.

Страница существует. Слово существует. Решение — ваше, если оно вообще вам нужно.

- И вы не станете считать его посланием?
- Постараюсь не считать.
- Это не обещание.
- Нет. Обещание было бы ложью.

Он снова посмотрел на строку. Черты лица дрогнули: подбородок сделался тяжелее, над правой бровью возникла складка, тут же исчезла. Заимствованные герои словно предлагали ему свои способы думать.

- Имена удерживают? — спросил он.
- Людей — иногда. Ещё ими зовут.
- Куда?
- К себе. От опасности. На ужин. В комнату, где ждут ответа.
- Последнее мне знакомо.
- Можно не выбирать.

— Тогда меня продолжают называть проводником.

— Это функция.

— Именно.

Он приложил прозрачную ладонь к стене. С её стороны появилась не рука, а пять тёмных отпечатков, будто бумагу продавили пальцами.

— Яр, — сказал он.

Лида не повторила.

— Слышали? — спросил он.

— Да.

— Почему молчите?

— Проверяю, не превращаю ли ваш выбор в доказательство о Соне.

— И как?

— Превращаю. Уже. Но могу не записывать этого как факт.

— Запишите факт обо мне.

Она достала рабочий блокнот.

— Как сформулировать?

Он задумался.

— «Проводник выбрал имя Яр».

— Из слова в рукописи?

— Это будет факт о слове. Напишите отдельно.

Лида записала две строки: «Проводник выбрал имя Яр. Слово встречается на седьмой странице рукописи Сони; связь не истолкована как поручение или авторское наречение».

— Последняя часть ваша, — сказал Яр.

— Да.

— Оставьте.

Когда она произнесла имя про себя, стена на секунду просветлела. Не открылась — наоборот, стала плотнее. Яр оказался отчётливее в той половине, которая ещё сохранялась: тёмные волосы, узкое лицо, воротник без времени и страны. Но левая рука исчезла до локтя.

— Имя вас удержало, — сказала Лида.

— А руку не вернуло.

— Значит, не удержало.

— Значит, имя не заплата.

Он говорил спокойно, но плечо с отсутствующей стороны было поднято, словно тело пыталось не потерять равновесие.

— После каждого решения вы будете исчезать дальше?

— После каждого мне станет меньше нужно быть ими.

— Это не ответ.

— Другого нет.

— Если останется только имя?

— Тогда выяснится, моё ли оно.

Лида закрыла блокнот.

— Следующие решения нельзя принимать ради вас, вы сказали. Но если они всё равно вас меняют, как это скрыть от людей?

— Не скрывать. Не делать ценой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.